

ВОЛЬНЫЙ 3 ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Ученик. Том 3

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Ученик. Том 3 / С. В. Карелин — «Автор»,
«Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Я продолжаю свой путь познания и борьбы. Кроме развития своих лекарьских способностей и исцеления больных, я решил постигать новые науки, чтобы поступить в медицинскую академию. Однако на моём пути, кроме представителей власти и «Лица Истинного», появилась новая опасность – зло, поселившееся на Кайской сопке. Это место окутано тайной и различными опасностями, с которыми мне предстоит сразиться не на жизнь, а на смерть

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Егор Золотарев, Сергей Карелин

Вольный лекарь. Ученик. Том 3

Глава 1

Когда я начал расчесывать волосы Алевтине, то мельком заметил что-то необычное. Сначала подумал, что мне показалось, ведь темное пятно тут же исчезло. Однако, когда пригляделся, понял, что «второе» зрение переключилось не зря.

— Семен, иди сюда! — крикнул я нашему помощнику и, склонившись над Алевтиной, мягко проговорил: — Ничего не бойся. Я всего лишь хочу посмотреть твою спину.

— Звал? — спросил Семен, показавшись из спальни, где он мыл пол.

— Помоги раздеть Алевтину, — велел я и забрал щенка из рук девушки.

— Зачем это? — напрягся он.

— Я кое-что увидел. Хочу внимательнее посмотреть.

Семен вымыл руки с мылом, насухо вытер полотенцем и несмело подошел. Вдвоем мы быстро расстегнули многочисленные мелкие пуговицы на ее платье и через голову стянули его.

Семен прикрыл глаза, чтобы не смотреть на полуголую Алевтину, я же повернул ее к себе спиной и, откинув волосы, переключил зрение. Так и есть, мне не показалось — начиная с затылка и вниз до самых пяток тянулась темная, полупрозрачная изменчивая фигура, напоминающая человеческий силуэт. Конечности тонкие, длинные и изгибаются странно, будто щупальца. Лица нет, но из темных провалов, где должны быть глаза, исходят еле заметные зловещие отблески. Ага, это не болезнь, а иномирная сущность-паразит, поселившаяся в теле беззащитной жертвы.

Провел рукой по спине Алевтины, на что сущность заколыхалась, будто на ветру, а я почувствовал, как кончики моих пальцев обожгло холодом. Раньше я такого не встречал. Повернув девушку к себе лицом, я убедился, что спереди этого гада не видать. Вот почему при прошлом осмотре его не увидел.

Прямо на спине девушки я нарисовал «Вытеснение тени» — руну, которая отлично справлялась с сущностями. Руна была сложная, со множеством переплетающихся знаков, и довольно мощная, отчего у меня перехватило дыхание и затряслись руки.

— Ты побледнел, — подал голос Семен и подошел ко мне, наблюдая за рукой, которая будто жила своей жизнью, с огромной скоростью рисуя невидимые ему линии.

— Еще чуть-чуть, — прошептал я, подбадривая себя. — Потерпи немного.

— Возьми мои силы! — решительно сказал Семен и протянул руку. — Я видел, как ты это делаешь.

— Нет, я справлюсь, — мотнул я головой и второй рукой оперся о стол.

Пот струился по вискам, ноги ослабли, перед глазами появились черные точки, но я делал свое дело.

Чувствуя, как сердце застучало в ушах, я снова разозлился на самого себя. Как же я слаб! Одна-единственная руна полностью опустошила меня. С этим надо что-то делать.

Когда остался последний знак — связующий круг, я увидел, что сущность стала зыбкой, как дым или чернильные разводы. Она чувствовала приближение своей гибели.

Вдруг меня обдало холодом, и темная сущность начала плавно выплывать из тела девушки.

— Отойди подальше! — я оттолкнул Семена в сторону и из последних сил нарисовал круг.

Руна вспыхнула. Сущность нервно дернулась и начала испаряться. Последними остались черные провалы глаз, в которых мелькнул злобный огонек.

— Прощай, — прошептал я, дрожа от бессилия, и улыбнулся.

Сущность пропала, а ко мне полетел светящийся шар, который восполнил запас энергии, и стало лучше. Я с облегчением выдохнул и опустил на лавку.

— Как ты? — спросил Семен.

— Все хорошо. Помоги Алевтине одеться, — попросил я и, поднявшись, подошел к бочку с холодной водой.

Прохладная вода освежала и придавала сил. Я выпил целый ковш, умылся и только после этого подошел к девушке.

— Как ты себя чувствуешь?

Девушка пожала плечами, безучастным взглядом наблюдая за тем, как Семен застегивает пуговицы на ее платье.

— Ты что-нибудь почувствовала? — не отступал я. — Может, было больно или

— Холод, — еле слышно ответила она. — Холода больше нет.

— Как давно ты чувствовала этот холод?

Алевтина пожала плечами, подняла с пола щенка Грома и вновь села на лавку. Пока в ее поведении ничего не изменилось. Интересно, это сущность явилась причиной ее душевного заболевания или просто подселилась в нездоровую девушку и питалась ее жизненными силами? Время покажет.

Но, что меня больше всего напрягло — кажется, подселенец обладал разумом и прекрасно понял, что его уничтожили. Его глаза до сих пор стояли передо мной.

— Волосы так и не расчесал, — сказал мне Семен и протянул гребешок.

— Да уж, не до того было, но хорошо, что ты об этом подумал. Если бы не ты, я бы не увидел сущность, — я забрал гребешок и снова подошел к Алевтине.

— Сущность? — глаза Семена округлились от страха, и он начал оглядываться. — Куда она подевалась?

— Я ее уничтожил.

Семен с облегчением выдохнул и продолжил заниматься своими делами, я же распутывал волосы девушки и заодно еще раз прошелся вторым зрением по затылку — ничего нет. С одной стороны, почувствовал облегчение, ведь смог избавить ее от вредителя. Но, с другой, было внутри какое-то тревожное чувство. Пока не знаю, с чем оно связано. Однако я привык полагаться на интуицию, поэтому решил внимательнее следить за ней и тем, что происходит вокруг.

Ерофей лег спать раньше всех, мы же с Семеном и Алевтиной засиделись до позднего вечера. Я постоянно украдкой наблюдал за девушкой, но та вела себя точно так же, как и раньше: не участвовала в разговорах, со скучающим видом смотрела перед собой и медленно, нехотя ела.

— Завтра придется встать раньше обычного, чтобы успеть завтрак приготовить, — сказал Семен. — Решил пораньше пойти и спрятаться в дровянике своего соседа Кольки. Оттуда хорошо видно дверь нашего дома.

— Продолжаешь следить за мачехой?

— Я ее выведу на чистую воду, — кивнул он. — Что-то она мутит. Ведь не просто так батю против меня настраивает. Еще и шляется где-то целый день.

— Согласен.

Прислонившись к стене, я пил морс, который Семен сделал из клюквы. Вообще он рукастый парень и готовит хорошо, на месте мачехи я был бы рад такому помощнику. Но она как могла настраивала против парня не только своего мужа, но и меня. Зачем ей это?

— Только будь осторожен. Неизвестно, что она задумала, — предупредил я. — Проследи, но не высывайся. Вместе потом подумаем, что делать.

— Хорошо. Спасибо, что не поверил ей, — улыбнулся он мне. — Я уж было подумал, что этой ведьме все так же верят, как и батя.

Я не стал говорить, что поначалу сомневался в том, кто из них говорит правду.

На следующее утро я проснулся от грохота посуды и хлопанья дверей. Семен проспал и теперь пытался все сделать очень быстро, чтобы успеть к отъезду отца из дома.

— Оставь, — велел я, когда он так неаккуратно засыпал крупу в котелок, что большую часть рассыпал. — Без тебя справлюсь. Беги к дому.

— Точно? — с сомнением спросил он. — И с оплаты не удержишь?

— Нет.

Семен поклонился и выбежал из дома. Я же взялся за приготовление завтрака. Засунув котелок в печь, принялся взбивать яйца с молоком, чтобы приготовить омлет для Алевтины. Как мы с Семеном заметили, она любила это блюдо и всегда съедала всю порцию.

— Хочу помочь, — послышался за спиной слабый девичий голосок.

Обернувшись, удивленно посмотрел на Алевтину. Она передела вчерашнее платье и даже заплела косу. Но удивился я больше не этому, а тому, что она сама заговорила.

— Да, мне понадобится твоя помощь, — с готовностью ответил я. — Помой вон те сушеные яблоки. Хочу компот сварить, — указал я на тарелку, в которую насыпал из хлопкового мешка куски сушеных яблок.

Девушка налила в тарелку воду и принялась промывать яблоки от сора и песка. Я наблюдал за ней и с радостью отметил, что изменения появились. Во-первых, она сама вызвалась помочь. Во-вторых, справлялась уверенно и быстро.

Когда завтрак был готов и мы сели за стол, вернулся раздраженный Семен.

— Что такое? — спросил я, когда он положил себе кашу с куском омлета и опустился у печи.

— Застукала меня.

— В дровянике? — не понял я.

— Да не-е, — махнул он рукой. — Когда за ней пошел.

— Расскажи поподробнее.

— Когда батя уехал, эта снова принарядилась и вышла за калитку. Ну я и пошел следом. Она взяла и обернулась, а я прямо за ней.

— И что?

— Увидела, — выдохнул он. — Говорит, «ты что здесь делаешь?» А я говорю: «Иду на рынок по поручению лекарей». А она такая: «Ну иди-иди». И стоит, смотрит на меня. Пришлось пойти в сторону рынка, а там уж свернул и сюда пришел.

— Зачем же ты так близко к ней шел? Надо было поодаль держаться и на другую сторону дороги перейти.

— Откуда ж я знал, в первый раз слежкой занимаюсь.

— Ну тогда в следующий раз вместе пойдем, — решительно сказал я.

К Семену вновь вернулось хорошее расположение духа, поэтому он быстро доел свою порцию, помыл посуду и пошел выводить коней. Гнедую я велел отпустить погулять вдоль Ангары, а сам сел на Пепельную и поехал к книжной лавке. Именно там мы решили встретиться с Полиной и Сергеем, чтобы определиться с перечнем книг, которые мне понадобятся для подготовки. Также договорились, что будем заниматься по утрам, пока больных не набежало.

Выехал я рано, поэтому лавка была еще закрыта. Привязав лошадь к зданию, пошел по тротуару вдоль лавок. Людей на улице было довольно много. Кто-то торопливо шел на работу, кто-то гнал к пастуху своих коров, а кое-кто из стариков вышел из дома, чтобы обменяться новостями с соседями.

Вдруг привычные звуки нарушил звонкий мальчиковый голос:

— Свежая газета! Главные новости города! Только что вышли! Срочные известия!

Обернувшись, увидел, как мне навстречу идет мальчишка лет десяти с красным беретом на голове и увесистой сумкой через плечо, из которой выглядывают тонкие газетные листы с маркированными чернилами.

— Спешите купить! Ужас на сопке — пропавшая семья найдена но без голов! Читайте все страшные подробности в свежем выпуске! На второй странице нашей газеты вы найдете политические новости. А на последней — уличные сплетни и курьезы! — мальчишка заметно выдохся, поэтому отпил из фляжки, передохнул немного и продолжил свой путь. — Свежая газета! Срочные известия! В нашем «Вестнике» описаны все подробности смерти семьи

— Мальчик, дай одну газету, — я махнул ему и пошел навстречу.

Тот вмиг замолчал, полез в свою сумку и аккуратно вытащил свежий выпуск «Вестника», от которой пахло печатной краской и газетной бумагой.

— Десять копеек, — он протянул руку с черными от краски пальцами.

— Держи, — расплатившись, забрал газету и прямо на первом листе увидел заголовок, напечатанный большими буквами: «Трагедия на Кайской сопке: найдена семья Протасовых».

Я отошел в сторону от тротуара и, привалившись спиной к двери запертого кабака, начал читать: «В минувшие несколько дней вся округа с тревогой следила за судьбой семьи Протасовых, которая пропала без вести. Вчера представители власти сообщили о страшной находке на Кайской сопке.

Семья Протасовых — супруги Иван и Мария с сыном Вениамином — исчезли несколько дней назад. Местные жители забили тревогу, когда семья не появилась ни дома, ни у родных. И вот вчера горькую весть сообщили родным: тела семьи Протасовых найдены у подножья Кайской сопки. Трагическое обстоятельство велико и ужасно, ведь покойники обнаружены без голов. Причины сего деяния до сих пор никому не ведомы и вызывают глубокое изумление и скорбь.

Местные власти немедленно приступили к расследованию сей печальной истории, но пока нет результатов. Подозрения и версии множатся, ведь на сегодняшний день уже шестнадцать человек погибли подобным образом. Кто-то верит в потусторонние, мистические силы, которые лишают людей голов. А кто-то уверен, что в этом деле замешан безжалостный убийца, который сначала убивает, а потом изгаляется над телом, лишая головы.

Пока невозможно с уверенностью сказать, кто из них прав, но все общество нашего города пребывает в смятении и горечи. Пусть же эта трагедия послужит нам уроком и научит осторожности и взаимному попечению.

Редакция приносит глубочайшие соболезнования родным и близким»

— Что читаешь? — послышался голос у самого уха.

От неожиданности я даже подпрыгнул и увидел улыбающуюся Полину.

— Здравствуй. Да вот, решил узнать последние новости, — показал я газету.

— Да, уже знаю. Ужасная смерть, — погрузилась она, окинув взглядом заголовок. — Как думаешь, кто и зачем это делает?

— Не знаю, — честно признался я.

— Я слышала, хотят закрыть дорогу, которая проходит у Кайской сопки. Людям придется делать большой крюк до города или сплавливать по реке. Но я считаю, что это верное решение. Столько народу погибло, лучше никому туда не ходить.

— Да, ты права.

Я закрутил газету в рулон, засунул в карман, и мы вместе с Полиной двинулись к книжной лавке, на двери которой уже не висел замок.

— А где Сергей? Его не будет?

— Будет, только он вчера с каким-то другом в кабаке встречался, поэтому я его еле добудилась. Скоро придет, а мы пока с тобой переберем книги и пойдем, с чего начать обучение.

Мы зашли в лавку. Торговец, что стоял за прилавком, сразу узнал меня и спросил, помогло ли мне краткое содержание свода законов. Я ответил, что все необходимое нашел.

Мы двинулись с Полиной вдоль полок, читая корешки книг.

— Арифметика обязательно понадобится, — она взяла с полки книгу и протянула мне. — Так-так, физику еще рановато, а вот русский язык и литературу пора начинать.

Вскоре к нам присоединился Сергей. Он был весь опухший, и от него за пару метров чувствовался алкогольный душок.

— Вы уж простите меня, но я сегодня не в состоянии ничему обучать, — признался он и потер красные глаза. — Чувствую себя неважно, да и не выспался. Может, отложим первое занятие на завтра?

— Ничего откладывать не будем. Нам дорог каждый день, — строго сказала Полина и протянула ему учебник по «Изыщным наукам и изобразительному искусству».

— Могу помочь, — предложил я. — Дай сюда руку.

Сергей без лишних вопросов протянул руку и раскрыл ладонь. Руна «Чистоты» отлично справилась с задачей.

— Ух ты! И впрямь все прошло, — поразился он и похлопал меня по плечу. — Молодец! Теперь я знаю, к кому обращаться в подобных случаях.

— Вообще-то лучше, чтобы не было больше таких случаев, — с укоризной сказала Полина.

— Мала ты еще и ничего не понимаешь во взрослой жизни, — брат махнул на нее рукой. В ответ Полина лишь возвела глаза к потолку и тяжело вздохнула.

Вскоре мы уже сидели за столом в углу лавки, где Сергей, перелистывая страницы арифметики, выявлял, какую тему я знаю, а какую надо изучить.

Далее мы прошлись по остальным купленным книгам. Кстати, купила их Полина. Я хотел сам, но она настояла, объяснив, что хочет сделать мне подарок. По ее словам, она обязана что-то сделать для меня, и еще раз напомнила, что я — ее ангел хранитель, который спас от верной гибели. По мне, так слишком высокопарно звучит, но ей нравится.

Полина взялась готовить меня по двум предметам: русскому и литературе, а Сергей — по точным наукам. Они дали мне задания на дом и велели выполнить до завтрашнего утра. На том и попрощались.

Прежде чем ехать домой, я решил навестить Илью. Он хотел выяснить насчет нового подходящего для нас жилья. В больнице было на удивление немногочисленно. А у кабинета Ильи вообще пусто.

Я постучал и, услышав «входите», открыл дверь. Илья сидел за столом и перелистывал толстый медицинский справочник.

— Здорово, Степа, — он привстал и протянул мне руку. — С чем пожаловал?

— Здравствуй, Илья. Хотел спросить, нашел ли ты для нас жилье? — я опустился напротив.

— Нет, пока ничего подходящего не нашел, — мотнул он головой и снова зашуршал страницами справочника. — Кстати, от Василисы тебе большой привет. Она уже дома, живая и здоровая. Наш главный врач знает о том, что она выздоровела, и, хотя он ничего мне не сказал и не спросил, наверняка догадывается, что это твоих рук дело. Ведь все были уверены, что жить ей осталось несколько дней. Кстати, — оживился он и полез в нагрудный карман. — Сегодня жалованье выдавали. Вот твои честно заработанные четыре рубля двадцать копеек.

Илья отсчитал мне все до копейки и отдал. Я не стал отказываться. Куплю что-нибудь Алевтине или Семену. Мне хочется их радовать.

— Что ты ищешь? — заглянул я в справочник.

— Пытаюсь разобраться с одним интересным случаем, — он вытащил из ящика стола историю болезни мужчины по имени Фофанов Альберт Генрихович. — Вчера вечером поступил в стационар. Аркадий Павлович на меня его повесил, а я до сих пор диагноз ему не поставил. Слушай, на что он жалуется: «Постоянное чувство тревоги и беспокойства, приступы учащенного сердцебиения, нарушен сон, ощущение слабости, головокружение и покалывание в конечностях». Как думаешь, что это может быть?

— Сам знаешь, в диагнозах не силен, — пожал я плечами. — Но, если хочешь, могу посмотреть на него.

— Нет-нет, я должен сам. Не могу же я постоянно к тебе за помощью бегать, — он продолжил листать справочник.

— Не буду отвлекать, — я поднялся и двинулся к двери.

— Степа, ты не волнуйся, найдем тебе подходящий дом, — сказал он мне вслед. — Я уже пустил клич, что жилье ищу, скоро потянутся с предложениями.

— Я не волнуюсь, — улыбнулся я и вышел за дверь.

По пути домой остановился у Торгового дома, где Алевтине купил зеркальце с резной деревянной ручкой, а Семену взял широкий цветастый пояс. А еще купил засахаренных орешков и петушков на палочке. Побалую их. На сегодняшний день они — единственные близкие мне люди.

У калитки снова образовалась целая толпа. Может, поэтому больница пустует?

Толпа одобрительно загудела, когда я подъехал к калитке. Многие хотели лично поприветствовать меня и пожать руку, поэтому даже очередь выстроилась.

Однако, едва я завел Пепельную во двор, из дома выбежал встревоженный Семен.

— Где ты так долго ходишь? — прошептал он и взял лошадь под уздцы.

— По делам ездил, а что?

— Городовой у нас.

— Что ему надо? — напрягся я.

Месяц еще не прошел. Неужели опять за деньгами пришел?

— Зайди, сам все узнаешь, — Семен повел Пепельную в сарай.

Я зашел в дом и увидел, что Ерофей и тот самый городской с пышными усами сидят за столом, а перед ними лежит какой-то лист бумаги.

— Пришел наконец-то, — Ерофей угрюмо взглянул на меня. — Садись.

Я послушно опустился на табуретку, а городской откашлялся и, насупив кустистые брови, зычно проговорил:

— На, читай. И благодари судьбу, что этот документ мне попался, а не кому-то другому.

Он подвинул лист ко мне. Я взял его в руки и, старательно разбирая корявый почерк, начал читать:

— «Городничему Кириллову Трофиму Алексеевичу. Сообщаю вам, что на улице Владова, дом семь, поселился шарлатан, именующий себя сибирским знахарем-духоглядом. Он денег берет немерено, делает вид, будто лечит, занимается обманом и запугиванием. От его лечения народу много полегло, а кое-кто руки на себя наложил, отдав ему последние деньги...»

— Это наглая ложь! — не сдержавшись, выкрикнул я. — Кто это понаписал?

Пробежавшись взглядом по тексту, нашел приписку в самом конце, которая гласила: «От лица доброжелателя».

— Аноним, — сказал городской. — Кого-то недолечили, что ли?

Ерофей развел руками, я же еще раз прочитал текст в надежде хоть за что-то зацепиться, но все было напрасно: аноним не привел ни одного факта, в котором я мог бы узнать кого-то из своих пациентов.

Городовой встал из-за стола и двинулся к двери.

— Лучше бы вам разобраться со своим недоброжелателем, а то в следующий раз бумага может пройти мимо меня, и тогда не выкрутитесь.

— Спасибо вам большое, — торопливо подошел к нему Ерофей и сунул в руки несколько купюр.

Городовой спрятал деньги, кивнул и вышел за дверь. Только сейчас Ерофей дал волю эмоциям:

— Что за скотина на нас кляuzu накатала?! Вот ведь тварь! Вот же ублюдок! Подонки! — разъяренный, он буквально летал по кухне. — Чтоб ему пусто было!

Меня это донесение тоже немного выбило из колеи. У нас есть враг, а мы даже не знаем, кто это такой, а значит, не можем защититься. Подозреваю, что это тот же человек, который бросил у наших дверей мертвого волка. Кто же он такой, руночерть его задери?!

Глава 2

Весь остаток дня у меня из головы не выходил наш скрытый враг. Мысленно я перебрал множество людей, но так и не смог определить, кто мог так поступить: мертвый волк и кляуза в городскую управу... серьёзные вещи.

— О чем задумался? — рядом со мной на ступеньку крыльца опустился Семен и протянул кружку с горячим компотом.

— Да вот не могу понять, кто ж на меня так обозлился, — признался я, принял кружку и с удовольствием отпил сладкий напиток.

— Почему ты решил, что все это тебе делалось? — уточнил Семен. — Может, это дядьке твоему послание?

— Нет, точно мне. В кляузе было написано: сибирский знахарь-духогляд.

— Хм, тогда мне тоже не понятно. Ты ведь всем помогаешь и никому не отказываешь.

— Вообще-то было пару отказов, но лишь по абсурдным причинам, — признался я.

Мы молча допили компот и зашли домой. Вечера уже были теплые, близилось лето. Начали появляться насекомые, и по утрам без устали щебетали птицы. Природа просыпалась после зимней спячки, и мое будущее уже не казалось мрачным и неопределенным. Я пока не знал, как все сложится, но делал первые робкие попытки планировать. Сергей сказал, что в середине лета начнутся экзамены в учебные заведения. К тому времени я надеялся заполнить пробелы в знаниях.

На следующее утро я проснулся от шепота над самым ухом:

— Просыпайся, пора идти.

Приоткрыв глаз, увидел Семена.

— Куда? — сонно спросил я.

— За мачехой моей следить. Ты же сам сказал, что вместе пойдем, — возмущенно прошептал он.

— А-а, ну да. Вспомнил. Пошли следить.

Я нехотя поднялся. Казалось, вот только лег, а уже вставать пора. Удивительно, как хорошо спится в молодом теле.

Прежде чем выйти из дома, я подобрал Семену кое-что из своих вещей и сверху ему на голову нахлобучил старую фуражку Ерофея.

— Это еще зачем? — недовольно протянул он, намереваясь снять шапку, но я его остановил.

— Ты же не хочешь, чтобы мачеха тебя сразу узнала? Надо хорошенько скрываться.

— Но ведь эту шапку моль поела, — он брезгливо показал на дырки.

— Какая тебе разница? Ты хочешь узнать, куда ходит твоя мачеха, или нет? — строго спросил я.

— Ну ладно, только ради дела. Надеюсь, никого из друзей не встречу, а то засмеют.

Мы вышли за ворота и двинулись в сторону дома Семена. Время было раннее, поэтому встречались только пекари и хозяйки с коровами.

Остановившись неподалеку от дома, парень показал хорошее место, откуда просматривалась вся округа — небольшая возвышенность со старым заброшенным домом и развалившимся забором. Правда, там крапивы было выше пояса, но тут уж выбирать не приходится.

Сначала мы увидели, как из дома вышел Кузьма и вывел со двора лошадь с телегой. Когда он скрылся за поворотом, дверь дома снова открылась, и на этот раз показалась мачеха Семена, которую, как оказалось, звали Феклой.

— Ну вот, снова собралась куда-то, — недовольным голосом проговорил он.

Фекла вышла со двора и бодрой походкой двинулась к широкой мощенной булыжником дороге. Мы с Семеном подождали, когда она отдалится на достаточное расстояние, и пустились следом. Мы решили идти не вместе, а по разные стороны дороги на тот случай, если она кого-нибудь из нас засечет —, то второй сможет продолжить слежку.

Женщина явно куда-то торопилась, но изредка останавливалась и оглядывалась. В эти моменты я делал каменное лицо и смотрел куда-то вбок. Я не сильно боялся быть узнанным, потому что мы виделись лишь раз и я держался на значительном расстоянии от нее. Маскировка тоже помогла Семену остаться незамеченным, хотя он каждый раз напрягался и сильнее сдвигал старую фуражку на глаза.

Мы прошли довольно длинный путь и добрались почти до самого въезда в город, где Фекла свернула в один из довольно бедных постоянных дворов.

— Ну что, идем за ней? — ко мне подошел Семен.

— Один пойду, а ты здесь подожди, — предупредил я и прошел в открытые ворота.

Всё-таки хорошо, что мы вдвоём пошли. Кузьма снова бы Семёну не поверил, а вот я - другое дело. Мне незачем врать.

На первом этаже находился небольшой трактир, где были заняты лишь два стола. За одним сидела пожилая пара, а за вторым — трое мужчин. Феклы нигде не было.

— Что будешь? — ко мне подошла обрюзгшая женщина в грязном переднике.

От нее пахло горелым маслом и потом.

— Чаю, — ответил я.

— А поесть? Голубцы накрутила, яйца пожарила.

— Только чай, — повторил я.

Женщина с раздражением выдохнула и двинулась к кухне, бормоча под нос:

— Какого рожна по трактирам ходить, если есть не собираешься? Мог бы и дома чаю попить, — за ней с силой захлопнулась дверь.

Я занял стол в углу и принялся ждать. Кухарка чай так и не принесла. То ли забыла, то ли намеренно не стала тратить на меня время, ведь чашка чая стоила всего пару копеек.

Просидел я не меньше часа, а Фекла так и не объявилась. А может, она нас увидела и сбежала через вторую дверь? Или сидит в одной из комнат и ждет, когда мы уйдем?

Взглянув на часы, висящие на стене, я понял, что ждать больше не могу. Мы договорились встретиться с Сергеем и Полиной в «Губернской библиотеке».

Я вышел на улицу, где увидел Семёна, слоняющегося неподалеку.

— Ну что? Она там? — бросился он мне навстречу.

— В трактире ее не было. Больше ждать не могу. Надо возвращаться. Если хочешь, оставайся и карауль мачеху дальше.

— Останусь, — решительно кивнул он. — Уж я выведу ее на чистую воду и докажу отцу, что из нас двоих только она — лгунья.

Я велел держаться подальше и не привлекать внимание, если она появится, и двинулся в сторону дома. Город уже проснулся, поэтому дороги заполнили люди, лошади и различные экипажи. Вскоре ко мне подъехал наш сосед-охотник на телеге с впряженной старой лошадейкой.

— Тпру-у-у! — выкрикнул он и понатянул на себя вожжи. — Садись, знахарь, подвезу.

— О, спасибо! — обрадовался я, ведь идти оставалось не меньше двух километров.

Взобравшись на телегу, опустился на доску рядом с охотником.

— Волчью шкуру я скорняку продал задешево, но могу поделиться, — предложил он.

— Не надо, оставьте себе.

— Уже узнали, кто над вами так подшутил? — он с любопытством посмотрел на меня.

— Пока нет, — мотнул я головой, и при воспоминании о неизвестном недоброжелателе сразу испортилось настроение.

— Волк в капкан попался, там его и добили.

— Откуда знаете?

Сосед с насмешкой посмотрел на меня.

— Как же не знать, если с малолетства охочусь? Да и видно было сразу. Левая задняя лапа сломана, и раны остались от зубцов капкана. А добили чем-то тяжелым по голове. То ли камнем, то ли кувалдой. Одного удара хватило.

— Ясно, — кивнул я, хотя мне стало не по себе от таких подробностей.

Неужели кто-то целенаправленно пошел добывать волка капканом, чтобы потом подбросить под нашу дверь? Зачем? Что он хотел этим сказать? Загадка.

Сосед довез меня до дома. Я поблагодарил его и прошел в калитку. На крыльце сидела Алевтина и играла с щенком клубком шерсти.

— Как ты себя чувствуешь? — участливо спросил я.

— Хорошо, — еле слышно ответила она, даже не взглянув на меня.

— Есть хочешь?

— Хочу.

— Я сейчас приготовлю, и будем кушать.

Я зашел в дом и увидел недовольного Ерофея, который разжигал огонь в печи.

— Где шляетесь? Проснулся — ни одного, ни второго нет. Печь не топлена, — проворчал он, чиркая спичкой.

— Заняты были, — ответил я, перебирая мешки с крупами.

— Заняты, — передразнил он. — Все какие-то дела за моей спиной проворачиваете.

— Никаких дел. Просто у Семена проблемы дома, вот и пытаемся решить, — пояснил я.

— Ага, проблемы... а домашние дела сами сделаются, пока вы там с чем-то разбираетесь? Ещё и от девки в доме толку никакого. Могла бы помочь, пока вас нет, а то просто сидит, сложив белы ручки.

Я не стал отвечать. Не хочу ничего объяснять этому человеку, все равно не поймет. Он делит людей на полезных и бесполезных, на богатых и бедных. Иногда мне кажется, что он никогда никого не любил и уже не полюбит. Слишком сухое и жесткое у него сердце.

Наскоро приготовив завтрак, покормил Алевтину и щенка, сам съел на ходу булку с молоком и поехал к библиотеке. Полина с Сергеем уже сидели в читальном зале.

— Мы тебя заждались, — недовольно сказал Сергей. — Я для тебя подобрал список литературы, обязательной к прочтению. Могут попасться вопросы по этим произведениям на экзамене.

Он указал на стопку книг, при виде которой я не смог сдержать тяжелого вздоха. У меня совсем нет времени на чтение, а уж такое количество книг я точно не одолею.

— Не переживай. Если что-то не успеешь прочитать, я тебе вкратце расскажу, — улыбнулась мне Полина.

Я хотел сказать, что ей придется все книги мне пересказывать, но не стал пугать ее раньше времени.

Мы продолжили с Сергеем проходить арифметику. Он оказался довольно терпеливым учителем, и если я с первого раза не понимал, то повторял столько раз, сколько требовалось.

Через час, когда у меня от задачек уже начал закипать мозг, Полина, которая тоже готовилась к экзаменам, позвала нас прогуляться и перекусить. Мы согласились.

— А ты головастый, — с уважением посмотрел на меня Сергей, когда мы вышли на улицу и двинулись к ближайшему трактиру. — Думал, будет хуже, но ты схватываешь на лету. Молодец.

Я лишь пожал плечами, ведь не считал так. Каждый раз, когда признавался, что чего-то не понял, готов был под землю провалиться от стыда.

Мы сытно поели и вернулись в библиотеку. На этот раз Сергей, развалившись в кресле, читал какую-то толстую книгу, а к обучению приступила Полина. Она поставила передо мной чернила, перо и лист с расчерченными линиями. Если читал я более-менее сносно, то писал очень плохо. Именно с чистописания она и решила начать. Признаться, я не припомню, когда так сильно уставал. Каждая закорючка, выводимая неподготовленной рукой, давалась с трудом.

— Неплохо, — похвалила она, когда посмотрела на результат моего труда — исписанный лист. Я переписал отрывок из произведения Гомера.

— Завтра мы с отцом едем по делам в Ангарск. И нас не будет три дня, — сказал Сергей и захлопнул книгу. — Занимайтесь без меня.

— Завтра я тоже не смогу, — мотнула головой Полина. — Подруга пригласила погостить в их поместье. Вернусь только послезавтра вечером. Но тебе будет чем заняться, — она взглядом указала на стопку книг.

Библиотекарь, который торопился уйти на обед, обрадовался, узнав, что мы уже закончили. И даже отдал мне все шесть книг, хотя по правилам было разрешено только три. Он перевязал их бечевкой и торжественно вручил, будто это был кубок:

— Перед вами — ключ к новым мирам и знаниям. Пусть каждая страница вдохновит на смелые идеи и приведет к открытиям, которые изменят вашу жизнь. Желаю, чтобы эти книги стали верными спутниками в путешествии по просторам фантазии.

— Ага, — грустно вздохнул я, приняв этот «дар».

— Верните не позднее, чем через месяц. Иначе придется платить за каждый день задержки, — строго проговорил библиотекарь и обвел остальных взглядом. — Все, я уйду на обед. Выметайтесь.

Кроме нас в библиотеке было еще два молодых человека, которые повозмущались, но вслед за нами покинули здание Губернской библиотеки.

Поблагодарив своих новых друзей, я сел на Гнедую и поехал домой.

Как обычно люди уже с нетерпением ждали моего возвращения. Алевтина выбежала навстречу и так же, как делал Семен, взяла лошадь под уздцы и повела к сараю.

— Сема еще не вернулся? — удивился я.

Девушка помотала головой и любовно погладила лошадь по морде. Гнедая шумно выдохнула и уткнулась носом ей в плечо. Похоже, они нравятся друг другу.

Прихватив с земли щенка, который так и норовил забежать лошади под копыто, я зашел в дом.

— И куда ты все ездешь? — раздраженно спросил Ерофей, застегивая халат. Наверняка в окно увидел, что я приехал и готовился начать прием.

— В библиотеку, — ответил я и поставил стопку книг на стол.

— Пф-ф-ф, что еще удумал? На черта глаза портить? Еще столько понабрал, что на год хватит, — он просмотрел корешки книг. — Ну и муть.

Я убрал книги в спальню и пошел за первым больным — женщиной с цветочным именем Лилия.

— Моя подруга сказала, что вы ее дом рунами обезопасили, — несмело произнесла она, обращаясь ко мне. — Сказала, что после этого у нее дела в гору пошли. Она с приезжим купцом познакомилась и собирается поехать к нему в гости в Воронеж.

— Рад за нее. А вас что привело к нам?

— Я замуж выхожу, — она вдруг покраснела и опустила глаза. — Не хочу, чтоб со мной было то же самое, что с ней. Можете мне сделать какой-нибудь оберег?

— От смерти обереги не помогут. Да и на судьбу никак не повлияют. С чего вы решили, что повторите ее судьбу?

— Не знаю, просто боязно мне. Я даже свой кулон принесла, чтобы вы на нем руну нарисовали, — Лилия сняла с шеи цепочку и протянула мне. — Пожалуйста, мне так будет спокойнее.

Ерофей прислушивался к нашему разговору и с интересом наблюдал за моими действиями. Я взял цепочку с кулоном, нарисовал руну и вернул владелице.

— И все? Так просто? — удивилась она.

— Да. Ничего сложного в этом нет.

— Сколько вы с меня возьмете?

— Десять рублей! — вмешался Ерофей. — Это уникальная руна, которая спасет вас от всех бед и несчастий. С ней вы можете не только замуж выходить, но и в путешествие отправиться — с вами ничего не случится.

Он говорил с жаром и так убедительно, что и я бы поверил.

— Десять рублей? — задумчиво переспросила Лилия и полезла в вязаную сумочку за кошельком. — Столько у меня с собой нет. Могу отдать шесть рублей тридцать четыре копейки. Остальное завтра принесу.

Я возмущенно уставился на лекаря, который снова сует нос не в свои дела. Мы же договорились, что я определяю стоимость услуг. Однако лекарь даже не посмотрел в мою сторону.

— Давайте сколько есть. Но не забудьте донести остальное, — Ерофей уже двинулся к ней, протягивая руку, чтобы взять деньги, но я резко встал со своего места и преградил ему путь.

— Нисколько не надо.

— Что? Почему? — женщина переводила напряженный взгляд с меня на Ерофея и обратно. Лекарь же недовольно поджал губы, но промолчал.

— Как я уже сказал, руна не сможет повлиять на судьбу, но удачу привлечёт. Пусть это будет от нас свадебный подарок.

— О, спасибо! Я вам так благодарна! — обрадовалась она и поспешила к выходу. — Я так и знала, что вы — честные и благородные люди. Только таким могут быть подарены такие сильные магические способности. Огромное вам спасибо!

— Милочка, отправьте к нам своих подруг и родных! Мы и им поможем! — крикнул ей вслед Ерофей.

Когда дверь за женщиной закрылась, лекарь тут же изменился в лице.

— Что ж ты, дурень, такие вещи бесплатно раздаешь? Ты хоть знаешь, сколько денег мы можем срубить, если будем продавать кулоны и амулеты на удачу, богатство и здоровье? Это же золотая жила. Век ни в чем нуждаться не будем.

— Таких амулетов не существует. По крайней мере, мне о них ничего не известно.

— Ну так, а кто будет проверять? Главное, чтобы поверили.

— Нет. Я не буду заниматься обманом. Я отвечаю за все, что делаю, — холодно проговорил я. — А если в следующий раз снова будете свои цены устанавливать, то я вообще людей принимать не буду. Принимайте сами и обманывайте, как хотите. Но и ответственность за все вы будете сами нести.

— Ишь, разошелся, — недовольно пробурчал он. — Я ведь для всех стараюсь.

— А ещё мне стало известно, — продолжил я, проигнорировав его слова, — что вы за моей спиной с людей ещё деньги берёте. Прекращайте! Иначе вообще лечить не буду! — пригрозил я, буравя его взглядом.

Он хотел что-то ответить, но в это время входная дверь скрипнула, и в проходе показался интеллигентного вида худой старик с длинной белой бородой, с котелком на голове и с тростью в руке.

— Можно зайти? — несмело спросил он, подслеповато щурясь.

— Проходите, любезный. Что вас беспокоит? — поспешил к нему навстречу Ерофей, взял под руку и провел в приемную.

— Даже не знаю, как сказать, — замялся он.

— Говорите как есть. В остальном мы сами разберемся, — заверил его лекарь и усадил на лавку.

— Ну раз так... — старик принялся поглаживать свою бороду. — Видения у меня начались с полгода назад. Тогда я куском сала подавился и чуть не умер, а когда откачали - тогда и начал “видеть”.

— Что еще за видения? — нахмурил брови Ерофей.

— Вижу, что с человеком станет. Вот посмотрю на него — и все вижу.

— Странно, но ладно. А к нам-то зачем пришли?

— Так ведь боязно мне. Бывает такую жуть увидишь, что потом спать не можешь.

— И что же такого вы видели? — заинтересовался я, хотя слабо верил в то, что старик действительно видит будущее.

По моему мнению — это невозможно, ведь будущее не может быть предопределено. Каждый день мы принимаем множество решений, которые влияют на то, что произойдет в дальнейшем. Мы сами творцы своей судьбы.

— Я видел смерть, — зловещим шепотом проговорил он. — Ведь накануне пропажи Миши Протасова я его встретил в трактире. И увидел его без головы.

Мы с Ерофеем переглянулись. То, что семью Протасовых нашли у подножья сопки без голов, обсуждали на каждом перекрестке.

— От нас-то вы что хотите? — спросил Ерофей.

— Сделайте что-нибудь, чтобы я больше не видел всего этого ужаса. Ведь самому страшно. Из-за этого я в зеркало не смотрюсь. Боюсь собственную смерть увидеть.

Ерофей встал и двинулся к двери, махнув мне рукой. Мы вышли из приемной и прикрыли дверь.

— Сумасшедший какой-то. Надо выпроваживать его отсюда, — шепнул мне Ерофей.

— Почему вы так думаете?

— Ты его хоть слушал? — с недоверием посмотрел он на меня.

— Я встречал уже много всякого необычного и мистического, поэтому не стал бы утверждать, что он сумасшедший. Надо его осмотреть.

— А-а, — махнул он рукой, сел за стол и подтащил к себе тарелку с квашеной капустой. — Делай что хочешь. Я этот бред слушать не собираюсь.

Я вернулся в комнату и опустил напротив встревоженного мужчины.

— Что-то очень страшное со мной творится? — спросил он.

— Пока не знаем. Вам надо раздеться. Хочу осмотреть вас.

— Да-да, как скажете. Я слышал, что вы духогляд, — он снял кафтан и принялся стягивать сапоги. — Говорят, духоглядов почти не осталось. Не подскажите, где живут ваши родные?

— Моих родных уже нет. Они умерли, — ответил я, осматривая голого мужчину «вторым» зрением.

— Умерли? Как жаль. Получается, что вы сирота, — он с сочувствием посмотрел на меня.

— Получается, что так, — кивнул я и велел: — повернитесь.

Старик послушно повернулся. После случая с Алевтиной я осмотрел его со всех сторон, но, кроме мелких заболеваний, ничего не обнаружил.

— У меня для вас хорошие новости. Я не обнаружил ничего плохого. Возможно, у вас открылись способности, — предположил я.

— Что же мне делать с этими, как вы говорите, способностями? Ведь страшно мне, — с мольбой прошептал он и взялся за штаны, лежащие на лавке.

— Руна «Чистоты» поможет немного взбодриться и прийти в себя. Заодно подлечит ваши болячки. Но больше я ничем помочь не могу, — честно признался я.

— Как же так? Совсем-совсем ничего с видениями сделать не можете? — переспросил он и заметно расстроился.

— К сожалению, это не в моих силах.

— Ну ладно, делайте, как лучше. Я в этом ничего не понимаю, — согласился он, понурился головой.

Я нарисовал на его руке руны и, взяв за прием пятьдесят копеек, пошел провожать. Однако, как только взялся за ручку двери приемной, старик меня остановил:

— У меня есть для вас плохая новость, — прошептал он и с сочувствием посмотрел на меня.

— Какая? — удивился я.

В голове замелькала вереница предположений, прежде чем старик снова заговорил.

— Ваш дядька, — он бросил взгляд на дверь. — Он скоро помрет.

— С чего вы так решили?

— Я увидел на нем печать смерти.

— Что конкретно вы увидели? Как она выглядит? — насторожился я.

Однако ответить он не успел: дверь открылась, и в проходе показался Ерофей.

— Ну что? Есть болезнь? — спросил он меня.

— Нет.

— Ну тогда не надо задерживать остальных, — грубо сказал он старику. — Когда совсем плохо станет — идите в богадельню.

Старик еще раз с сочувствием посмотрел на меня и неторопливо двинулся к выходу.

— Ты с него хоть сколько-то взял?

— Пятьдесят копеек.

— И то хорошо. А то столько времени зазря занял.

Прием продолжился. К вечеру вернулся Семен. Он явно был в плохом настроении.

— Ну что? — подошел я к нему.

— Ничего. До самого вечера в постоялом дворе просидела, а недавно вышла и поперлась домой. Вот что она там делала?

Я лишь развел руками. Проголодавшийся Семен набросился на еду, а я вышел на улицу, чтобы покормить лошадей. В это время к забору подъехал извозчик, и показался Илья.

— Степа, поехали! — крикнул он.

— Куда?

— Дом смотреть. Я нашел подходящий. Только что оттуда.

Я крикнул Семену, чтобы тот покормил лошадей, и поспешил к экипажу. Ну наконец-то нам больше не придется ютиться в этом маленьком старом доме. Начнется новая жизнь.

Глава 3

Мы с Ильей поехали смотреть новый дом.

— Далеко отсюда? — спросил я.

— Нет, на той же улице, что и я живу. Только чуть поближе.

Вскоре извозчик остановился у небольшого старого двухэтажного дома с облупившейся штукатуркой, из-под которой выглядывали рыжие кирпичи. Илья расплатился с ним и повел меня к двери.

— Весь дом сдают? — спросил я, осматриваясь.

— Да. Поэтому сразу за тобой поехал, чтобы никто не успел перехватить. Есть место для жизни и приема больных.

Я окинул дом внимательным взглядом. В принципе, совсем недурно. Бедненько, но зато два этажа. Стены можно самим залатать, чтобы выглядел более пристойно. Да и забор не мешало бы сменить: покосившийся, и часть досок отсутствует. Любая живность может забраться во двор. Еще не мешало бы дорожку от калитки до дома выложить, а то после каждого дождя по лужам придется шлепать.

Мы подошли к двери, и Илья постучал. Вскоре послышались шаркающие шаги, и на пороге показался старик в очках с толстыми линзами. Он оглядел нас и настороженно спросил:

— Чего изволите?

— Вы что ж, не узнали меня? — удивился Илья. — Я ведь только что у вас был.

— А-а-а, да-да, что-то такое вспоминаю. А зачем вы приходили?

— Дом посмотреть. Вы же его сдаете. Или передумали? — напрягся он.

— Нет, не передумал. Только... В общем, я подумал и решил, что буду второй этаж сдавать, а на первом сам жить. Уж лучше дома помереть, чем в чужих стенах.

Илья повернулся ко мне:

— Ну что, пойдём второй этаж смотреть?

— Нет. Второй мне не подходит. Больные не смогут подняться. Многие из них еле ходят. Разочарованно выдохнув, я развернулся и пошел к калитке.

— Как знал, что со стариками лучше не связываться. На них нельзя положиться, — проговорил Илья, догнав меня. — Старый маразматик меняет свое мнение быстрее, чем изменяется ветер. Поймать тебе извозчика?

— Нет, не надо. Прогуляюсь.

— Я провожу тебя немного.

Мы перешли через дорогу и двинулись вниз, в сторону пригорода, откуда приехали.

— Ты разобрался с тем случаем? — подал я голос, прервав молчание. — Отыскал в справочнике болезнь?

— Да, оказалась «нервная горячка». Ее еще «меланхолией» называют.

— Как она лечится? — заинтересовался я.

— Отвар валерианы с медом назначил. Велел побольше гулять и хотя бы часик спать днем. При учащенном сердцебиении подсказал теплые компрессы на грудь ставить. А еще запретил газеты читать и мрачные книги. Часто бывает так, что болезнь духа сказывается на теле, поэтому нужно лечить и то и другое.

— Понятно. Как много ты всего знаешь. Тебя всему в академии научили?

— А где же еще? Хорошие у меня были преподаватели. Эй, стой! — он окликнул паренька, торгующего с лотка различной выпечкой.

Купив две кулебяки, одну протянул мне. Мы продолжили путь, жуя ароматный пирожок.

— Ты не расстраивайся, найдем тебе дом, — сказал он мне, когда мы остановились на перекрестке. — У меня к тебе просьба есть.

— Какая?

— Сможешь завтра со мной на приеме посидеть? — несмело спросил он.

— Смогу, но зачем? Мне ведь запретили к больнице приближаться.

— Никто не узнает. Просто есть у меня один странный больной. Хочу, чтобы ты его незаметно своим даром духогляда осмотрел.

— Что же в нем странного?

— Не пойму: врет или правду говорит? Я его как раз завтра на повторный прием позвал.

— Хорошо, приду. Как раз завтра нет занятий.

— Что еще за занятия? — любопытно спросил Илья.

— Готовлюсь к экзаменам. Попробую поступить в академию.

— Да ты что! Правда, что ли? — оживился он. — Кто же тебя готовит?

— Полина Базарова и ее брат Сергей.

— Что? Сама Полина Базарова? — его глаза стали еще шире.

— Да. А что такое?

— Так ведь она самая завидная невеста в нашем городе. Красотка невероятная, и отец при деньгах.

— И что? — пожал я плечами. — Мы просто занимаемся вместе.

— Ну ты даешь, я бы на твоём месте... Эх-х-х, — он махнул рукой. — Мал ты еще, поэтому о будущем не думаешь, а вот мне уже пора бы невесту подыскать. Есть на примете несколько девиц из хороших семей.

— А как же любовь? — усмехнулся я.

— Фи-и-и, — скривился он. — Любовь меня не прокормит и в профессии не поможет. Хорошее приданое и причастность к сильному роду — вот что действительно важно. А любовь как приходит, так и уходит. Я за свою жизнь столько раз влюблялся, но, как видишь, до сих пор холост. Ладно, не забивай себе голову, — хлопнул он меня по плечу. — Тебе еще рано об этом думать. Тем более ты учиться собрался.

— Погоди, а сколько времени надо учиться? — напрягся я.

— Четыре года. Говорят, что есть возможность раньше сдать экзамены и выпуститься с дипломом, но я таких пока не встречал. Очень уж сложно учиться в академии. Каждый раз перед экзаменами такой мандраж был, что аж трясло. Думал, вылечу. Но, как видишь, все сдавал и учился дальше. Ладно, бывай, пойду. Устал как собака, — он махнул мне рукой, развернулся и двинулся в противоположном направлении.

Я задумчиво посмотрел ему вслед и пошел домой.

За ужином Алевтина сама попросилась помогать. Я ей доверил нарезать хлеб. Мы все с опаской посматривали на то, как она орудует ножом. Ей явно раньше не разрешали к нему прикасаться. С трудом, но она справилась. Правда, полбуханки раскрошила, и куски были кривые и довольно толстые, но все же она впервые что-то сделала сама и очень гордилась собой. Теперь не только мы с Семеном заметили, что она стала меняться, но и Ерофей.

— Скоро, глядишь, тряпку возьмет и сама полы помоеет, — с довольным видом сказал он и подтянул к себе глубокую тарелку с мясным супом.

— Ей нравится ухаживать, — подал голос Семен, который по обыкновению сидел на лавке у печи, а тарелку с супом поставил перед собой на табурет.

Сколько бы я ни просил сесть с нами за стол, он наотрез отказывался.

— За животными она ухаживает. За больными. Сердобольная она, — продолжил он набитым ртом. — Думаю, можно ей доверить щенка. Пусть сама кормит, поит, прибирает за ним, если нашкодит, и выгуливает.

— Ты прав. Ей будет полезно, — согласился я и посмотрел на притихшую девушку, которая прислушивалась к нашему разговору. — Согласна ухаживать за Громом?

Все посмотрели на Алевтину, ожидая реакции. Сначала она задумчиво поджала губы, затем подняла на колени щенка, который терся о ее ноги, и еле слышно ответила:

— Да.

— Вот и ладненько. Хоть мне легче будет, — обрадовался Семен.

Позже стало ясно, что Алевтина слишком буквально поняла слова про заботу о щенке. Она начала кормить его со своей ложки. Перед тем как вынести на улицу, кутала в пуховый платок, а потом и спать уложила рядом с собой. В общем, относилась к нему, как к ребенку, и безуданно ходила следом, чтобы он ненароком не упал или не ударился.

Мы с Семеном хотели объяснить, что ему не требуется чрезмерная опека, но потом махнули рукой. Пусть делает, как хочет, если ей так нравится.

На следующее утро Семен разбудил меня и шепотом сказал, что подождет мачеху на том постоялом дворе, в котором мы ее упустили, и посмотрит, куда она пойдет. Я согласился с тем, что это хороший план, но предупредил, чтобы он «не светился» и держался подальше от двери.

Семен ушел, а мне пришлось подняться и затопить печь, хотя с утра на улице было довольно тепло. Когда наступит лето, вынесу на улицу старую чугунную печку, которая стоит в углу в сенях, и на ней будем готовить, иначе в доме дышать будет нечем — большая каменная печь давала много тепла.

После скромного завтрака кашей и вчерашней булкой с маслом за мной приехал извозчик от Ильи. Он ждал меня на крыльце больницы и с нетерпением прохаживался туда-сюда.

— Ну наконец-то, — с облегчением выдохнул он и поспешил навстречу. — Больной уже пришел. Я оставил его в кабинете.

— Расскажи хоть немного о своем больном, — попросил я, спрыгивая с экипажа на землю.

— Уже три раза он ко мне приходил и каждый раз на разное жаловался. То ли врет, то ли на самом деле я неправильное лечение назначаю, и ему хуже становится.

— На что жалуется? — спросил я, когда мы поднялись на крыльцо.

— На все. Сейчас сам увидишь.

Мы прошли к кабинету, у которого уже собралась недовольная толпа. Илья зашел первым и сразу представил меня.

— Айвар Антонович, я привел еще одного лекаря. Он хоть и молод, но уже довольно опытен. Расскажите ему все.

Ко мне повернулся худой плешивый мужичок с осунувшимся лицом и уставшим взглядом, будто всю ночь не спал. Он коротко кивнул, здороваясь, и слабым голосом начал говорить:

— Похоже, я умираю. У меня буквально уже нет сил бороться.

— Что у вас болит? — я подтянул к себе стул и сел напротив.

— Все, абсолютно все болит. Куда ни ткни — болит. А еще быстро устаю, плохо ем. Жужжит в ушах, и гул в голове постоянно. У меня то там кольнет, то здесь потянет, — начал он тыкать себя пальцем. — Бывает, вот здесь свербит. Но это еще ничего, у меня бабка от страшной болезни умерла. Говорят, она по наследству передается. Кажись, передалось, — он сокрушенно покачал головой.

— Раздевайтесь, я вас осмотрю, — велел я.

Мужчина медленно встал и так же медленно начал стягивать с себя одежду. Он явно обессилен, а не притворяется. Я быстро осмотрел его «вторым» зрением, но ничего не нашел, кроме мелких проблем, с которыми справится руна «Чистоты».

— Можете одеваться... Скажите, а как много вы спите?

— Какой уж тут сон, если весь больной? Почти не сплю.

— Ясно. Кажется, я понял, что с вами.

Я подошел к Илье и прошептал:

— Куда можно его уложить? Хочу усыпить на весь день.

— Зачем? — удивился он.

— Болезни серьезной нет, но из-за недостатка сна накопилась усталость. Ему нужно хорошо выспаться.

— Ладно, пойдемте в соседний кабинет. Тамошний доктор уехал на два дня, поэтому никто не помешает.

Мы повели «больного» в соседний кабинет.

— Со мной что-то страшное, да? Я умираю, да? — допытывался он у меня шепотом.

— Не беспокойтесь, я вам помогу, — заверил я.

Когда мужчина опустился на кушетку, я первым делом нарисовал руну «Чистоты» и, дождавшись шар энергии, нанес ему на ладонь руну «Морис», которая не только усыпит, но и поможет восстановить гармонию в душе.

Больной тут же повалился на бок и заснул. Мы его хорошо уложили, накрыли простыней и вышли из кабинета.

— Получается, не было болезни? — еще раз уточнил Илья.

— Нет. Он сам себе все выдумал.

— А-а-а, ипохондрик, значит. А я все не мог разобраться с симптомами его болезни. Спасибо, что помог. Очень полезный у тебя дар. Уверен, половина моих больных напридумали себе болезни, а мы мучаемся, пытаясь их вылечить, — усмехнулся он и покосился на больных, сидящих у его кабинета. — Ладно, пошли провожу, а то бабки скоро меня сожрут.

Извозчик еще не успел уехать, поэтому Илья заплатил ему и попросил отвезти меня туда, откуда привез.

Ближе к обеду снова начали подтягиваться к забору люди. Выглянув через окно на улицу, я заметил, что к забору на носилках принесли женщину, и выбежал навстречу.

— Что случилось? — крикнул я издали.

— В цеху сваи обрушились. Балкой ей прилетело, — пояснил мужчина, который тоже морщился от боли. — Многих в больничку повезли, а вот она настояла, чтобы к вам принесли.

Я добрался до калитки и увидел, что женщина находится в сознании, но у нее вся голова в крови и рука привязана к дощечке.

— Заносите, — велел я и распахнул калитку пошире.

Когда мужчины проходили мимо меня, женщина слабо улыбнулась и еле слышно спросила:

— Вы не узнаете меня?

Я пригляделся и вспомнил. Это была та самая женщина, которая болела чахоткой. Она жила с сыном — мальчиком лет десяти, который и пришел к нам за помощью.

— Выздоровела, пошла работать, и вот снова несчастье, — она грустно улыбнулась.

— Все будет хорошо, — заверил я, шагая рядом.

Я уже просмотрел ее вторым зрением и знал, как и чем буду лечить. Надо остановить кровь, затянуть раны, помочь заживлению кости на руке и убрать кровавый сгусток в голове. На это уйдет много сил. Лишь бы хватило энергии.

Когда окровавленную женщину увидела Алевтина, то сразу встревожилась и, заперев сундук, чтобы не убежал, начала помогать. Пока я занимался ранами, она мокрым полотенцем вытирала кровь и из ложечки поила женщину сладким чаем. В общем, действовала как настоящая медсестра.

Как я и думал, энергии мне не хватало на то, чтобы полностью восстановить ее, поэтому я снова обратился к Ерофею за его жизненной силой.

— Я не дойная корова, — огрызнулся он. — Если всем свое здоровье раздавать, самому не останется.

— Либо вы мне помогаете, либо я всем объявлю, что от вас, как от знахаря, толку никакого, — пригрозил я.

— Ишь, какой смелый стал. А раньше слова не смел против сказать, — он с вызовом уставился на меня.

— Обстоятельства поменялись. Я вырос и обрел силу, которой у вас никогда не будет, — сухо ответил я.

Ерофей зло поджал губы, бросил взгляд на женщину, лежащую на лавке в приемной, и буркнул:

— Ну ладно, шантажист хренов, делай, что надо.

С помощью жизненных сил Ерофея я долечил женщину и, получив шар энергии, с облегчением вздохнул. Как же хорошо, что я получаю благодарность не только в виде денег, но и в виде энергетического шара. Это позволяет мне лечить больше людей и не изнашивать собственный организм.

— Ну, милочка, дорого вам обойдется лечение, — подал голос Ерофей, прислушиваясь к собственному сердцу. — Я ведь часть жизни за вас отдал.

— Правда, что ли? — ужаснулась она. — Не надо было. Я ведь не знала. Как же так?

Я с укоризной посмотрел на лекаря и пояснил:

— Ничего страшного. Поест, поспит, и все восстановится.

— Откуда ты знаешь? Вдруг ты у меня только что два года жизни забрал? — огрызнулся Ерофей.

— Не выдумывайте! — рассердился я. — Я знаю, на что способны мои руны.

— Откуда? Еще недавно ни о каких рунах слухом не слыхали, и вдруг ты все знаешь, — всплеснул он руками.

Я уже хотел сказать, что я — руномаг с большим стажем, поэтому знаю значение каждого символа и его влияние, но вовремя замолчал. Пусть думает, что хочет.

Женщина пообещала вернуть долг с первой же зарплаты и вышла из дома, прихватив те самые носилки, на которых ее принесли. Она была практически здорова. Правда, потребуется время, чтобы кость хорошо зажила. Но, к счастью, мне удалось убрать кровавый сгусток из ее головы, остановить кровь и заживить раны.

Вслед за женщиной потянулась вереница больных. Многих я видел уже не в первый раз. Убедившись в том, что я действительно помогаю, они начали приходить с различными жалобами. Кого-то оса укусила, кто-то порезался, кто-то обжегся, а кто-то пришел просто поделиться радостью, как хорошо живется, когда здоров.

Я поймал себя на том, что мне нравится лечить людей и видеть их благодарные глаза. Теперь я это делал не только ради энергии и денег, а также для собственного удовольствия. И хотя к вечеру сильно уставал, на душе было радостно и спокойно.

После обеда у калитки остался лишь один человек, который до этого пропускал всех вперед себя и почти с каждым больным о чем-то разговаривал. Мне он показался подозрительным, поэтому я изредка подсматривал за ним из окна.

Мужчине было лет сорок. Он был одет довольно хорошо: строгий клетчатый костюм, на шею повязан разноцветный платочек, на голове фетровая шляпа. С собой у него был кожаный портфель, который он держал подмышкой.

— Зачем пожаловали? Что вас беспокоит? — спросил я.

— Добрый день, — улыбнулся он и снял шляпу. — Мне нужно с вами поговорить. Не хотелось бы делать это на улице. Лучше в помещении, — оглядевшись, ответил он.

— Тогда прошу в дом, — ответил я, но тревога лишь усилилась.

Не выглядел он больным. К тому же совсем не торопился на прием, проведя за забором не меньше двух часов.

Мы зашли в дом, однако он лишь заглянул в приемную и сказал, что нам лучше будет за кухонным столом. Ерофей вопросительно уставился на меня, а я лишь пожал плечами.

— Я вас слушаю, — сказал я, когда мы втроем расселись за стол.

— Дело в том, что меня зовут Анатолий Цаплин и я — корреспондент «Вестника Иркутской губернии». Пришел сюда по заданию редакции. К нам поступило анонимное письмо, в котором говорится, якобы сибирский знахарь-духогляд убивает людей, а властям нет до этого никакого дела. Еще вчера я занялся этим случаем и узнал так много о вас, что уговорил главного редактора повременить с публикацией этого письма.

Он открыл портфель и выложил перо с чернильницей и блокнот.

— Второй день я опрашиваю свидетелей вашего лечения, и никто плохого слова о вас не сказал, — проговорил он, обращаясь ко мне. — Именно поэтому я считаю, что анонимное письмо не имеет никаких доказательств и не может быть опубликовано, ведь оно порочит честь и достоинство. Наоборот, мне очень хочется рассказать о вас нашим читателям, — мужчина принялся перелистывать страницы блокнота в поисках чистых листов. — Кто вы такой и откуда прибыли? Каким образом происходит лечение? Как в таком молодом возрасте вы достигли таких высот в области использования рун при лечении? Короче, вопросов у меня много, поэтому советую не тратить время понапрасну и...

— Уважаемый, покиньте наш дом, — Ерофей поднялся на ноги и пробуровил Цаплина злым взглядом.

— Что такое? Почему? — встревожился он.

— Не надо нас в газету.

— Но я не понимаю, почему вы против? Ведь все так и норовят попасть на страницы нашей газеты. Тем более статья получится лестная. Она привлечет к вам еще больше людей.

— К сожалению, ваша статья может привлечь не только людей, но и проблемы, — ответил я. — Вы же сами понимаете, что деятельность нашу нельзя назвать законной.

— Я с этим не согласен, — упрямо заявил он. — О добрых делах надо трубить во все стороны. Как я уже успел узнать, вы лечите даже тех, от кого официальная медицина давно отвернулась. Вот здесь у меня все расписано. Когда и кому вы помогли, — он ткнул пальцем в блокнот.

— Ты не понял, что ли? — Ерофей выглядел суровым. — Пошел вон отсюда! И чтобы никаких статей. Понял?!

Цаплин с надеждой посмотрел на меня, но я понимал, что Ерофей прав, поэтому лишь помотал головой.

— Вам надо идти. Мы ничего рассказывать не будем. Это опасно для нас.

Корреспондент тяжело вздохнул и убрал обратно в портфель чернильницу, перо и блокнот.

— Как угодно, но вы не понимаете, какого шанса лишаетесь. О таком чудотворце, как вы, — он ткнул в мою сторону пальцем, — люди должны знать. Возможно, для кого-то вы являетесь последней надеждой.

— Возможно, когда-нибудь я буду рад такой статье, но не сейчас. Поймите нас правильно, — я пошел к двери и открыл ее, намекая на то, что корреспонденту пора бы уйти.

Однако он никуда не торопился.

— Если уж выпала такая возможность, грех ею не воспользоваться, — сказал Цаплин, немного смутившись. — Родинка у меня побаливает. Уже с полгода. Может, посмотрите?

— Показывайте, — я захлопнул дверь и подошел к нему.

Родинка была на шее, и вокруг нее действительно расхотелось воспаление в виде шипастой гусеницы с усиками. Руна «Исцеления» справилась с болячкой.

— Ого, вот так вот просто, и все? — удивился он, трогая пальцем родинку. — Не болит. Удивительные дела.

Он расплылся в улыбке, встал и протянул руку.

— Благодарю. Сколько я вам должен?

— Пятьдесят копеек.

— Это просто чудо какое-то: всего пятьдесят копеек, и нет боли, которая мучила меня целых полгода, — восхищенно произнес он.

Расплатившись, он еще раз поблагодарил за лечение и, попрощавшись, вышел из дома.

— Если этот писака хоть слово о нас напишет, я ему все пальцы переломаяю, — сказал Ерофей, наблюдая за ним из окна.

— Надеюсь, он этого не сделает.

Не успел корреспондент уйти, как в дом забежал Семен. Он выглядел встревоженным.

— Пойдем выйдем, есть разговор, — шепнул он мне и потянул за рукав к выходу.

Как только мы вышли и закрыли дверь, он вытаращился на меня и прошептал:

— Я все узнал про свою мачеху. Вот ведь какая она дрянь...

— Говори толком, — велел я.

— Короче, слушай...

Глава 4

Ерофей что-то пробубнил про неугомонных недорослей, которым спокойно не живется, когда мы с Семеном вышли на улицу.

— Говори, что узнал? — с нетерпением спросил я.

— Вот же дрянь, — до сих пор не мог успокоиться парень, нервно переступая с ноги на ногу и щелкая пальцами. — Короче, я, как и говорил, пошел ждать ее в тот постоянный двор. Купил себе по мелочи, чтоб не прогнали, и сидел в углу. Еще шапку эту на самый нос натянул, чтобы Фекла не узнала. В общем, сижу, жду. Не прошло и получаса, как явилась бестия и прямиком к комнатам пошла. На меня даже не взглянула, — Семен прервал свой рассказ, снял фуражку и скинул кафтан. — Фух-х-х, запыхался весь, пока обратно бежал... Жду я, значит, жду. Час проходит, второй, а ее нет и нет. Я уже хотел выйти на улицу, пройтись, а то на меня кухарка уже коситься начала, но тут Фекла вышла, и не одна, а с мужиком каким-то. Сели за стол и всякого разного заказали. Сидят, милуются, при всех целуются. Тьфу! Срамота! — он не сдержался и сплюнул под ноги.

— Что дальше?

— Поели, значит, и снова в комнату прошли. Я вышел на улицу и до самого вечера ее караулил. Она вышла и как ни в чем не бывало отправилась домой.

— М-м, любовник, — еле слышно сказал я.

— Вот-вот, любовник у ней имеется. Стерва! Еле сдержался, чтобы прямо там на людях ей все космы не оборвать, — Семен снова распалился, и в глазах запылала ненависть.

— Что собираешься делать?

— Отцу рассказать, что же еще.

— погоди, сначала надо все обдумать, — предупредил я его.

— Завтра обдумаем. Сейчас я жрать хочу. Да и поздно уже. Как говорится, утро вечера мудренее.

— Верно говоришь.

Весь вечер он был сам не свой. Я его понимал, ведь Фекла обманывала его отца, которого он очень любил. Хорошо, что Семен ничего ей не сделал. К этому вопросу надо подойти с умом. У него и так отношения с Кузьмой разладились из-за мачехи, поэтому такую новость надо донести правильно.

На следующее утро я впервые за последние дни проснулся сам по себе. Из окна светило солнце, птицы щебетали разными голосами, из кухни доносились шаги и звон посуды.

Я спал в приемной, которая на ночь становилась моей личной комнатой, что меня очень даже устраивало. Потянувшись, нехотя поднялся на ноги и, прихватив подушку с одеялом, вышел на кухню.

— А где Сема? — удивился я, увидев, что на кухне орудует Ерофей.

— Мне-то откуда знать? — недовольным голосом ответил он. — Ушел, ничего не сказал. Совсем оборзел. Мы за что ему деньги платим? С утра до вечера где-то шастает.

— Давно ушел? — насторожился я.

— Да уж с полчаса будет. Малохолдная во дворе с шавкой гуляет, ты спишь без задних ног. Когда же это все закончится? Как будто мне больше всего надо, — продолжал бурчать он, а я обул сапоги и вышел на улицу.

По утрам с Ангары еще тянуло холодом, поэтому невольно поежился и, обхватив себя руками, подошел к калитке и посмотрел вдаль. Ох, чувствую, что-то затеял Семен. И ведь даже слова мне не сказал. Боюсь, как бы хуже не сделал.

Его не было видно, поэтому я подошел к Алевтине, которая ходила за щенком попятам.

— Тебе Семен что-нибудь сказал? — спросил я, хотя, если честно, ответа не ждал.

Девушка пошла на поправку, но было видно, что она все еще отстает в развитии и больше напоминает ребенка лет семи, чем взрослого человека.

— Сказал, — еле слышно ответила она.

— Что? — я в напряжении устался на нее.

— Что гадину надо прищучить, — девушка подняла на меня глаза. — Он пошел змею убивать?

— Надеюсь, что не убивать, — встревожился я.

Я решил вывести Пепельную и поехать к его дому, но тут Семен зашел в калитку и, понурился, подошел к нам.

— Ну? Говори! — велел я, вглядываясь в его лицо.

Глаза красные и носом шмыгает, наверняка ревел.

— Не поверил, — разочарованно выдохнул он. — Я всю правду ему при Фекле рассказал, а она снова начала реветь, обвинять меня во вранье. Говорила, что в храм ходила и ни в каком постоялом дворе не была. В общем, снова ей поверил, а на меня наорал и по шее дал... Не любит он меня. Не нужен я ему.

— Что ж ты один пошел? Я же сказал, что сначала надо подумать, как все рассказать, — вспылил я. — Зачем тогда меня о помощи просишь, если не слушаешься?

— Что ж я должен был молчать, когда эта стерва ему рога наставляет?! — взорвался Семен. — Ведь батя он мне, понимаешь? Обидно мне за него. А мачеху я ненавижу так, что аж зубы сводит. Придушил бы гадину собственными руками.

Он выставил руки перед собой, изображая, как душит. Его лицо исказилось такой злобой, что мне страшно за него стало. Надо срочно принимать меры, а то добром не кончится.

— Ладно, успокойся. Позавтракаем и обмозгуем. Но пообещай мне, что больше ничего сам делать не будешь. Обещай! — прикрикнул я и для острастки встряхнул его за плечи.

— Обещаю, — буркнул он.

— Вот и ладно. Пошли в дом, — махнул я рукой, но тут Алевтина подошла к Семену, с сочувствием посмотрела на него и погладила по голове.

Доброе у нее сердце. Наверняка ничего не поняла из нашего разговора, но увидела, что Семену плохо и ему нужна поддержка.

Втроем мы зашли в дом. Семен помог Ерофею с завтраком. Алевтина помыла щенку лапы и посадила к себе на колени, я же прошел в приемную и нарисовал на руке руну своего имени, прикидывая, сколько у меня энергии. Как всегда, только два знака были яркими, третий еле-еле виден, а про остальные и говорить не приходится. А ведь сейчас я наполнен энергией по уши.

Мне срочно нужно создавать новые узлы и меридианы, только я не знаю, как это сделать. В моей прежней жизни они сами появлялись от бесконечных тренировок, которыми я себя изматывал. Однако здесь я тоже очень много использовал рун для лечения, но внутренний резервуар так и не увеличивался.

Энергия мне была нужна для очень сложной руны, на которую уйдут все мои силы и, может, понадобятся чужие. Руна «Аналит», или, по-другому, руна «Правды». Если нанести ее на человека, то человек не сможет сказать ничего, кроме правды.

Если Кузьма не верит собственному сыну, то пусть услышит правду из уст своей любимой жены. Осталось только придумать, как попасть к ним в дом и нанести руну на Феклу.

После завтрака я засобирался в библиотеку. Сергея не будет еще два дня, но с Полиной мы договорились увидеться сегодня и продолжить обучение.

— Ты куда? — вслед за мной выбежал Семен.

— Учиться, — ответил я на ходу, направляясь в сарай за Пепельной.

— А как же я? Что мне делать? — он выглядел потерянным.

— Жди моего возвращения. Я кое-что придумал, — я снял с гвоздя сбрую и начал надевать на лошадь. — Только пообещай, что без меня ничего предпринимать не будешь. Ты и так дел наворотил.

— Обещаю, — кивнул он. — Что хоть придумал?

— Потом расскажу, а сейчас мне некогда. Полина ждет.

— Ну вот так сразу бы и сказал, что на свидание торопишься, — усмехнулся он.

— Никакое это не свидание, — возмутился я и вывел Пепельную из сарая. Лошадь радостно двинулась к калитке. — Занимаемся мы.

— Ага, только мне не надо сказки рассказывать, — продолжал веселиться Семен. — Гляди, чтобы тебя ее папаша не застал, а то уши выдерет.

Я лишь махнул рукой, взобрался на своего верного скакуна и поехал к библиотеке.

Полина уже сидела за столом и пролистывала свежий выпуск «Вестника».

— Здравствуй, — я незамеченным подошел к ней и опустился напротив. — Что нового? Поймали убийцу с Кайской сопки?

— Про это ничего не написано, но я нашла кое-что поинтереснее, — загадочно сказала она, повернула газету ко мне и ткнула в нее пальцем. — Вот здесь.

Как только я прочитал заголовок, мне стало дурно: «Таинственный чудо-знахарь: целитель рун и повелитель существей».

— Только не это, — упавшим голосом выдавил я, пробегаясь взглядом по тексту.

— Что с тобой? Ведь статья хорошая, — непонимающе уставилась на меня Полина, затем забрала газету и прочла отрывок. — «После нанесения загадочных символов больные чувствуют облегчение, а порой и полностью выздоравливают. Многие из тех, кто тщетно боролся с недугами, нашли спасение в руках этого человека». Так-так... А вот еще: «Его подвиг — яркий пример того, как знания предков и истинная сила природы помогают исцелиться даже тяжелобольным людям».

— Я просил его не писать статью, — еле слышно ответил я, предчувствуя проблемы, которые упадут на наши головы. — Он обещал этого не делать.

— Ты про кого?

— Приходил вчера корреспондент из этой газеты. Цаплин его фамилия. Он хотел написать об мне, но я попросил этого не делать, а он...

— Погоди, автор статьи какой-то Борис Матюшин. А-а-а, так это главный редактор «Вестника».

— Теперь уже не важно, кто написал, — у меня окончательно испортилось настроение.

Полина поняла это, поэтому торопливо убрала газету и предложила начать занятие. Она мне рассказывала о писателях, читала отрывки из книг, но я никак не мог сосредоточиться. Из головы не выходила статья. Она, безусловно, была лестная, но меня это не радовало. Теперь обо мне узнают многие. Даже те, от кого надо скрываться.

Через два часа мы с Полиной вышли из библиотеки и подошли к лавочнику, торгующему квасом прямо на улице. Я купил две кружки, одну протянул Полине.

— Как думаешь, что будет после статьи? — осторожно спросила она и отпила пенистый напиток.

— Мной заинтересуются власти. Может, посадят в тюрьму. Может, оштрафуют и вышлют из города, — с тяжелым вздохом ответил я.

— Если хочешь, я могу поговорить с отцом, и тот наведается в «Вестник».

— Зачем? — удивился я. — Газеты уже разошлись. Сделанного не воротишь. А ведь все это затеял чертов аноним, — процедил я сквозь зубы.

— Что за аноним? — настороженно посмотрела на меня Полина.

— Сам не знаю. Сначала он кляузу в городскую управу написал, потом в газету. Чего добивается? Понять не могу.

— Ты уверен, что это «он», а не женщина?

— Нет, не уверен. Ясно одно — я кому-то наступил на мозоль. Знать бы только — кому?

Мы допили квас, вернули кружки и разошлись в разные стороны: я — к Пепельной, привязанной к стене, Полина — к карете с ожидающим ее кучером.

Как только я подъехал к дому, Семен поспешил навстречу.

— Ну что, когда пойдем? — прошептал он, покосившись на больных, ожидающих приема.

— Куда? — не понял я.

— К батю моему.

— А во сколько он ужинать садится?

— Обычно в семь часов, — подумав, ответил он.

— Ну тогда к семи и пойдем. Скажешь, что пришел мириться.

— Хорошо. А что потом?

— Сам все увидишь, — кивнул я и, пригласив первого больного, повел его к дому.

Однако, едва открыл дверь, услышал крики Ерофея:

— Вот же гад какой! Ублюдок!

Я хотел спросить, что случилось, но, увидев газету в его руках, сразу все понял.

— Ты только глянь, что этот подонок понаписал? — он впихнул мне в руки газету. — Мало того, что нагадил, так еще и обо мне ни слова не сказал. Вот ведь скотина!

— Видел уже, — я сложил газету и положил на стол. — Что делать будем?

— А я знаю? — он вытаращился на меня. — Не надо было этого Цаплина лечить. Пусть бы сдох от своей родинки.

Тут его взгляд остановился на женщине, которая, съезжившись, стояла за мной, и Ерофей продолжительно выдохнул.

— Ладно, об этом потом, — махнул он рукой и обратился к женщине. — Слушаю вас, любезная. Чем заболели?

Та, откашлявшись, вышла вперед и, заметно волнуясь, проговорила:

— Вообще-то помощь нужна не мне. У нас в Ореховке больше полдеревни слегло. Вы бы поехали со мной. А то ведь фельдшер наш ничего сделать не может.

Ерофей недовольно поморщился.

— Где эта Ореховка?

— Недалече, тридцать километров отседова, — куда-то неопределенно махнула она рукой.

— Вообще-то мы на дом ходим только в крайних случаях, а вы хотите нас в такую даль отвезти. Сколько хоть заплатите?

— Староста сказал, если всех вылечите, то сорок рублей заплатит из казны деревенской, — заверила женщина.

— Сорок рублей? — у Ерофея брови поползли вверх, и он уставился на меня, ожидая ответа.

Однако, прежде чем ответить ему, я хотел узнать подробности.

— Чем болеют жители деревни? — спросил я у женщины.

— Говорю же, не знает фельдшер, — развела она руками. — У всех одно и то же: жар, слабость. У меня муж второй день как слег. Ничего не ест, трясется весь и горячий, будто печка.

— Вроде ничего сложного, — шепнул мне лекарь. — За сорок рублей можно и прокачаться.

— А как же остальные больные? — я указал на окно, в котором виднелись люди.

— Подождут, ничего с ними не станется. К вечеру вернемся.

— Ладно, поехали, — кивнул я.

Женщина, которая назвалась Натальей, приехала на телеге. Ерофей недовольно сморщил нос и остановил извозчика, но, когда узнал, во сколько ему обойдется поездка, отказался от его услуг и взобрался на телегу, куда для мягкости накидали сена. Я же опустил рядом с Натальей и продолжил спрашивать о болезни:

— Как давно начали болеть?

— Да уж вторая неделя пошла. Сначала Доронины слегли. За ними Даниловы. А потом...

— Сколько всего человек уже болеет?

— Ну... — она задумалась. — Человек тридцать точно. И у всех одно и то же.

— Кто-нибудь выяснил, с чего все началось?

— Да кто ж знает, — пожалла Наталья плечами. — К Дорониным родня приезжала. Может, они сразу привезли. А может, сам Славка Доронин из лесу принес. Он ведь егерь. Из лесу почти не выходит.

Тут телега подпрыгнула на булыжнике и ойкнул Ерофей, а следом послышался его извечно недовольный голос:

— Любезная, не дрова везешь. Уж будь аккуратнее, а то придется назад воротить.

— Простите великодушно, я ведь ненарочно. В городе почти не бываю, дорог не знаю, — виновато проговорила она, оглянувшись на лекаря, и добавила, уже обращаясь ко мне. — Я ведь сама-то учителем в нашей деревенской школе работаю. Детей грамоте и счету обучаю. Ради этого дела пришлось самой ехать. Староста, и тот заболел. Жена его жаловалась, что не успевает рубаху ему сменить, как та уже вся мокрая. И что за напасть к нам пришла?

— Скоро выясним, — заверил я.

Вскоре мы выехали из города и поехали по широкой проселочной дороге. Наталья подгоняла лошадь, и та бежала рысью, поэтому не прошло и двух часов, как впереди показалась вывеска: «Деревня Ореховка».

Деревня совсем не отличалась от тех, что мы встречали на пути в Иркутск. Те же избенки, огороды, скот и грязная дорога.

— Куда везти вас? Сразу к старосте? — спросила Наталья.

— Нет, сначала к первому больному, — ответил я.

Мы остановились у дома с добротными воротами с изображением петуха. К нам навстречу с лаем выбежали два охотничьих пса и грозно зарычали, не спуская настороженных взглядов с меня и Ерофея.

— А ну пошли! — прикрикнула на них Наталья и ударила плетью по земле.

Псы, нехотя и перебраниваясь, побежали за дом, а мы взобрались на крыльцо. Женщина постучала об косяк, затем открыла дверь и крикнула вглубь дома:

— Доронины, это я — Наталья Ивановна. Знахаря вам с города привезла!

Она пошире открыла дверь и двинулась первой, мы за ней.

В доме царила полутьма, и было довольно прохладно. Из комнаты показался бледный мужчина. Прищурившись, он оглядел нас, затем двинулся навстречу, медленно передвигая ногами и держась за стену.

Когда дошел до нас, протянул Ерофею дрожащую руку и представился:

— Всеволод Геннадьевич Доронин.

— Можешь звать меня лекарем, — ответил Ерофей и руку не пожал, брезгливо уставившись на нее. — Что тут у вас?

— Да вот, болеем что-то, — он махнул рукой в сторону комнаты, где виднелась женщина на кровати. — Сил никаких не осталось. Жар так и пышет. Мочи нет терпеть. Будто в бане денно и ночью сию.

— Что-нибудь кроме жара беспокоит? — деловито уточнил Ерофей.

— Да нет, — задумчиво пожал он плечами. — Только сегодня поутру спина начала чесаться. Уже который день болеем, без бани живем.

— Ясно, — Ерофей поднял ворот рубашки к носу и кивнул мне. — Смотри, и пойдём отсюда.

— Раздевайтесь, я вас осмотрю, — велел я.

Однако мужчина не торопился. Он вопросительно посмотрел на Наталью.

— Они оба знахари. Староста же говорил. Только один шептун, а второй — духогляд. Вот он сейчас и осмотрит вас, — пояснила она.

— Как скажешь, лишь бы полегчало, а то ведь совсем плохо нам. Вон, женушка моя уже не встает. Хорошо хоть Колька-сосед за нами приглядывает. То молока с хлебом принесет, то супом накормит, — пока говорил, расстегивал пуговицы рубашки.

Ухватившись за полы рубашки, он начал стягивать ее через голову, когда вдруг Ерофей ахнул и попятился назад.

— Что такое? — насторожился я.

— Оспа, — выдохнул он и выбежал из дома.

Наталья тоже напряглась и с широко раскрытыми глазами посмотрела на спину мужчины, которую всю покрывали мелкие красные прыщи.

Способность духогляда показала, что внутри мужчины будто все заполнено черным дымом, который на спине имеет красные полосы. Очень необычно. Такого я еще не встречал.

— Я тоже пойду, а то у меня дети, — несмело проговорила Наталья и быстро вышла из дома.

— Неужто и в самом деле оспа? — встревожился мужчина.

— Не знаю. Впервые сталкиваюсь с таким. Сейчас попробую вылечить.

Прямо на его спине я изобразил руну «Исцеления», но, оказалось, что в этом случае руна бессильна.

— Интересно, — прошептал я и принялся рисовать руну за руной, одновременно наблюдая за болезнью.

Вскоре я определил, что при сочетании двух рун среднего уровня болезнь начинает рассасываться.

— Ну что там? — в нетерпении спросил егерь.

— Потерпите, — сказал я, наблюдая за тем, как черный дым рассеивается, а красные полосы пропадают.

Вдруг дверь открылась, и в проходе показался Ерофей.

— А ну выметайся отсюда, а то заразу и в наш дом принесешь! — крикнул он мне.

Я лишь махнул рукой, не сводя взгляда с мужчины, который перестал трястись и прислушивался к своему организму.

— Ты глухой, что ли? Поехали отсюда! Не хочу помереть от оспы.

— Никто не померет. Я знаю, как ее лечить, — с облегчением выдохнул я, когда от черного дыма не осталось и следа.

— И впрямь лучше стало. Спина не чешется, и жара будто нет, — егерь удивленно посмотрел на меня. — Так это про тебя говорят?

— Что говорят? — я улыбнулся, когда ко мне поплыл шар энергии — доказательство того, что болезнь побеждена.

— Что рунами лечишь.

— Верно. Лечу рунами, — кивнул я. — Пойдемте к вашей жене.

Друг за другом я посетил всех больных деревни. Ерофей все это время просидел в телеге и только и делал, что просил каждого встречного принести ему поесть.

Лишь когда начало вечереть, староста расплатился с нами, и мы двинулись в обратный путь. Провожать нас вышла почти вся деревня. Каждый хотел нас чем-то угостить, поэтому телега была загружена едой на недели вперед. Ерофей больше не возмущался и в принципе был доволен поездкой, ведь староста отдал ему целых пятьдесят рублей.

Семен с нетерпением ждал моего возвращения и, как только помог перетаскать в дом продукты, схватил меня за рукав и быстро прошептал:

— Время уже восемь. Идем или как?

— Идем, — кивнул я. — Только ты должен вести себя, как шелковый. Понял?

— Еще чего?! Да я этой стерве...

— Семен! — прикрикнул я на него. — Либо ты делаешь, как я говорю либо сам разбирайся со своей Феклой.

Парень шумно выдохнул и кивнул:

— Ладно, говори, что мне делать.

Мы вышли за калитку и двинулись в сторону дома Семена. По пути я ему все объяснил и очень надеялся, что он меня послушается.

Глава 5

Еще издали мы увидели Кузьму, который сидел на крыльце и что-то стругал. Он был мрачнее тучи, и в каждом его движении сквозила злость и раздражение. Мужчина заметил нас, когда Семен потянул на себя калитку и та призывно скрипнула. Мельком взглянув на сына, он с удивлением посмотрел на меня, встал и, отряхнувшись от стружек, пошел навстречу.

— Приветствую, — сухо произнес он, но руку мне протянул. — Зачем пожаловали?

— Здравствуйте, Кузьма, — я пожал крепкую мозолистую руку. — Семен примириться хочет. Попросил меня прийти с ним, а то самому как-то неловко.

Кузьма с угрюмым лицом повернулся к сыну, но тот опустил голову и рассматривал свою обувку.

— Ну заходите, раз пришли, — он поднялся на крыльцо и первым зашел в дом, видимо, чтобы предупредить жену о нашем приходе.

— Не лезь на рожон. Веди себя спокойно, — шепотом предупредил я, прежде чем последовать за хозяином дома.

— Понял я, — буркнул он.

Мы зашли в дом. Кузьма стоял посреди комнаты, из-за него с обиженным видом выглядывала Фекла.

— Мы уже поужинали, но кое-что осталось. Есть будете? — стараясь не глядеть на сына, спросил Кузьма.

— Было бы неплохо поесть, а то я только с дороги. Ездил в Ореховку лечить, — сказал я, радуясь отличному поводу подольше задержаться.

Мужчина мельком взглянул на жену, и та принялась торопливо накрывать на стол. Вскоре мы сели, и я с аппетитом набросился на остатки картошки, жаренной с салом.

Кузьма и Фекла в напряжении молчали. Семен ковырял ногтем неровность на деревянном столе, а я, потянувшись за миской с квашенной капустой, замер на полпути, с широко открытыми глазами глядя на Феклу.

Та заметила мой взгляд и занервничала.

— Что такое? Волосы растрепались?

— Нет, здесь другое, — я встал из-за стола и подошел к ней, продолжая буравить ее взглядом. — Голова-то у вас не болит?

— Шумит немного, а что? — насторожилась она.

— Боюсь, что дело плохо. Вредная болезнь засела в вашей голове. Как бы хуже не стало. Супруги переглянулись.

— Что за болезнь такая? — нахмурил брови Кузьма.

— Молодых женщин поражает. Разумом слабеют. Может, слышали, Алевтина у меня живет. У нее то же самое было. Но я вылечил, теперь идет на поправку.

— Ну так и меня вылечите, — взмолилась женщина и обхватила голову руками. — И ведь часто болит, а я думала, от недосыпа. Умоляю, не хочу быть как дурашка Алевтина.

Ага, значит, про девушку многие слышали. Немудрено, город не такой уж и большой, а здесь, в пригороде, все друг друга знают.

— Хорошо, но время понадобится. Главное, сидите ровно и не дергайтесь. Руна сложная и много сил у меня забирает. Как бы самому плохо не стало. Я ведь тоже не хочу во вред себе других лечить, — покачал я головой и сделал вид, что раздумываю, помочь или отказаться.

— Может, я смогу помочь? — подал голос Кузьма.

Новость о болезни жены его явно встревожила.

— Почему бы нет? — оживился я. — Если согласитесь поделиться жизненной энергией ради спасения жены, то...

— Бери, сколько хочешь, для Феклы ничего не жалко, — с готовностью сказал он. — Что делать-то надо?

— Ничего особенного, дайте руку.

Кузьма вытер вспотевшую ладонь о штаны и протянул руку. Я нарисовал на ней руны «Переноса». Ко мне перекинулась нить энергии мужчины. Можно было бы воспользоваться силами Семена или самой Феклы, но я боялся им навредить, а в таком мужчине, как Кузьма, сил намного больше. Потребуется много энергии, очень много.

— Ну что ж, приступим, — сказал я, и женщина всхлипнула.

Впечатлилась моим рассказом. И хорошо, мешать не будет.

Склонившись над Семиной мачехой, я первым делом нанес руны «Исцеления», чтобы снять головную боль. Следом сразу же начал рисовать сложную мощную руны «Правды».

Я еще недостаточно окреп и к тому же мало копил энергии, поэтому без помощи Кузьмы не смог бы ею воспользоваться, но сейчас есть все шансы на то, что руна получится.

Как только я нанес первый знак — вертикальную линию, символизирующую прямооту и честность, Фекла подала голос:

— Кажись, мне легче стало.

— Лечение только началось. Не двигайтесь, а то все вернется назад, — строго сказал я.

К первому знаку с правой стороны я пририсовал две диагональные линии, образующие стрелку — символ устремления к свету и истине.

— Сердце быстро забилося. Вот-вот выскочит, — пожаловался Кузьма.

— Потерпите, лечение нельзя прерывать.

Друг за другом я рисовал остальные знаки, которые забирали мою энергию и высасывали жизненные силы из мужчины. Другого пути доказать невиновность Семена я не видел, чтобы доказать невиновность Семена. Распутная, лживая бестия совсем вскружила голову взрослому мужчине, который ожесточился на собственного сына и перестал ему доверять. Пора положить конец бесконечному вранью, порочающему честного, наивного юношу.

Перед тем как нанести последний знак, я поднял взгляд на Семена. Тот побледнел и обеспокоенно смотрел то на меня, то на отца. Нам обоим было плохо. Меня мелко трясло, бросило в жар, и дыхание участилось, а Кузьма держался за бешено стучащее сердце и тяжело дышал.

— Осталось чуть-чуть, — еле слышно сказал я Семену, и тот кивнул.

Я поднес дрожащую руку к шее женщины, которая замерла, как изваяние, и провел пальцем короткую горизонтальную черту — символ опоры на правду. Черта получилась еле видимая, но все равно сработала. Руна вспыхнула и пропала.

— Все, вы здоровы, — выдохнул я и, опираясь о стол, добрался до своего места и быстро осушил кружку со сладким чаем.

— И впрямь чувствую себя просто замечательно! — обрадовалась она. — Нигде не болит, и такая легкость во всем теле. Так бы и закружилась!

Я посмотрел на Семена и, встретившись с ним взглядом, кивнул.

— Ты лучше бате расскажи, что ты в постоялом дворе сегодня делала? — как бы между прочим сказал Семен.

Отец, который сидел, облокотившись о стол, и пытался восстановить сбившееся дыхание и скачущее сердце, бросил на сына угрюмый взгляд.

Фекла же, пребывая все в том же приподнятом настроении, принялась говорить:

— Павлик — душа моя, там живет. К нему каждый день и бегаю. Не могу без него прожить ни дня. Так и тянет меня к нему.

Кузьма уставился на нее ошарашенным взглядом, а женщина будто ничего не замечала и продолжала топить саму себя.

— Я ведь с Павликом уже третий год как живу. Жалко, что на ночь приходится домой возвращаться, а то бы вообще из его комнаты не выходила. Как вспомню о нем, так сердечко и тает. Люблю его больше жизни.

Мужчина не мог поверить своим ушам, а Семен с облегчением выдохнул и, подмигнув мне, продолжил:

— Куда из дома деньги и украшения пропали?

— Павлику отнесла. Он у меня на карточные игры очень падок. То одному проиграется в пух и прах, то другому. Вот и приходится его выручать. Ни копейки себе не оставляю, все Павлуше несу. Он ведь у меня такой умелый, такой головастый, а на работу не берут. Завидуют, наверное. Да и как не завидовать, когда такой красавец.

— Зачем про меня бате врала?

— Так ведь мешаешь ты мне. Не хочу наследство с тобой делить.

— Какое наследство? — вступил я в разговор. — Кузьма — сильный, здоровый мужчина. Ему еще жить и жить.

— Да как же жить, если Павлуша хотел его колуном по голове ударить и под копыта лошади подложить, чтобы все подумали, будто лошадь его лягнула.

В это время действие руны начало проходить. Фекла нахмурила брови, потеряла виски и, встретившись с взглядом с Кузьмой, испуганно вскрикнула.

— Павлуша, говоришь? — грозно прорычал мужчина, испепеляя ее взглядом, полным ненависти и презрения.

— Ой, пошутила я. Все-все неправда. Никакого Павлушу не знаю, в постоялый двор не хожу, — скороговоркой проговорила она, вскочила на ноги и попятилась к двери.

— Лучше убирайся по-хорошему, пока не придушил, — сквозь зубы процедил Кузьма и поднялся со своего места.

Фекла испуганно взвизгнула и бросилась на улицу. Когда послышался скрип калитки и звук быстро удаляющихся шагов, Кузьма рухнул на лавку и обхватил лицо руками.

Мне было жаль его, ведь так тяжело разочаровываться в близком человеке. Но другого выхода не было. Уж лучше горькая истина, чем ласковая ложь.

— Оставайся здесь, — шепнул я Семену. — Отца сейчас лучше не оставлять одного.

Тот кивнул.

Я с трудом поднялся из-за стола и поплелся к выходу. Руки и ноги будто налились свинцом.

— Это ты сделал? — глухо спросил Кузьма, убрав руки от мокрых глаз.

— Да, это я заставил ее говорить правду, — признался я.

— Но я не просил тебя этого делать.

— Семену было плохо, и я посчитал, что обязан вмешаться.

Кузьма бросил на меня долгий изучающий взгляд и кивнул. Я вышел на улицу и направился в сторону дома. Ну и денек сегодня.

***

На следующее утро я проснулся и первым делом услышал мелодию. Вскочив на ноги, выбежал из приемной и увидел Алевтину, которая сидела у печи, чистила картошку и еле слышно напевала. Увидев меня, она замолчала и смущенно опустила глаза.

— У тебя очень приятный голос. Продолжай петь, тебе пойдет на пользу, — сказал я, и тут мне пришло в голову, что я вообще ничего не знаю о культурном развитии этого мира.

На улице часто встречал музыкантов, которые играли на различных инструментах и выпрашивали денег, но ведь это не идет ни в какое сравнение с теми представлениями и сложными музыкальными многоголосными композициями, которые частенько показывались в зале торжеств нашего дома.

Я решил узнать об этом у Семена, который все еще не вернулся от отца.

Ерофей еще храпел, поэтому я взялся сам растапливать печь. Алевтина больше не пела. Дочистив картошку, она вышла на улицу выгуливать щенка.

— Прощу простить, — в дом забежал запыхавшийся Семен и, вымыв руки, принялся за приготовление завтрака. — Вчера допоздна с батей за столом просидели. Плохо ему, горюет, но мачеху видеть не хочет. С утра велел собрать все ее вещи и за забор выставить, потому я и опоздал. Сам же он пошел к мировому судье, чтобы развестись с этой змеей.

Он промыл пшено, залил молоком и убрал чугунок в печь. Я же опустился за стол и наблюдал за ним. Парень явно рад избавиться от ненавистной мачехи, но в то же время я видел, как он переживает за отца. Хоть и молод, а понимает, что может чувствовать мужчина, которого предала любимая женщина.

— Я ведь даже не думал, что она такая, — Семен принялся нарезать еще теплый хлеб, который купил по пути. — Получается, что замуж она за батю вышла только ради того, чтобы с него деньги тянуть и своего любовничка содержать. А ведь как искусно притворялась, что любит его. Я ведь думал, что она так отца любит, что из ревности хочет от меня избавиться, а получается, ей наследство было нужно. Вот ведь дрянь какая. Лишь бы только на моем пути не встретишься, а то не сдержусь, — пригрозил он и с силой воткнул нож в деревянную доску, на которой нарезал хлеб. — Актрисулька чертова.

— Кстати, — вспомнил я. — В городе показывают представления с актерами, музыкантами и декорациями?

— На каждой площади и рынке бродячих циркачей, музыкантов и кукольных театров полно, — пожал он плечами. — Но, говорят, где-то на Владимирской в прошлом году московский актер обосновался и что-то там показывает, но сам я не был, не знаю.

— А где эта Владимирская? — заинтересовался я.

— В другом конце города, — махнул он рукой. — Зачем тебе?

— Хочу сходить и посмотреть.

— Только время зря тратить. Не люблю я эти представления. Вранье все. Как-то смотрел на площади, только смех берет. Уж так один актеришка-дурачок старался заплакать, да не смог, только губы кривил. Вот я легко могу заплакать. Только матушку свою родную вспомню, так слезы сами наворачиваются, — признался он и тяжело вздохнул. — Как было бы хорошо, если бы не померла.

— Поэтому ты должен ценить отца. Плохо быть сиротой, — нравоучительно сказал я.

Он с сочувствием посмотрел на меня и кивнул. Только сейчас я вспомнил, что сам являюсь сиротой. Вернее, не я, а Степан. Временами я забывал, что нахожусь в чужом теле и прошлое у меня было совсем другое. Я вырос в полной крепкой семье. Отец мой — Верховный маршал империи, был богатым человеком, поэтому у меня с самого детства было все самое лучшее. Чего не скажешь о Степане Устинове. Мне очень жаль паренька, который перенес столько горя.

После завтрака я поехал в библиотеку, где мы договорились встретиться с Полиной. Она подтвердила, что в городе открылся настоящий театр.

— Давай сходим прямо сегодня, — оживилась она. — Говорят, там показывают новый спектакль по комедии Грибоедова.

— Во сколько?

— Спектакли всегда идут в шесть вечера.

— Хорошо. Я возьму с собой Алевтину и Семена.

Полина поджала губы и, оглянувшись, еле слышно добавила:

— Только проследи за тем, как они выглядят. В лаптях и в грязной одежде туда не пустят.

В театре все сливки общества нашего города собираются.

— А меня пустят? — усмехнулся я, оглядев себя.

— Конечно, пустят. Ведь ты будешь со мной, — улыбнулась она.

Сегодня она продолжила рассказывать про писателей, а я был более чем сосредоточен и внимателен. Даже записи делал, подтягивая заодно технику письма.

— Встречаемся у театра в шесть, — напомнила она, когда мы вышли из библиотеки. — Сегодня вечером Сергей из поездки возвращается. Может, удастся его тоже вытащить.

— Сколько стоит билет?

— Смотря где будешь сидеть, — на мгновение задумавшись, ответила она. — Самые дорогие места — пять рублей. Самые дешевые — пятьдесят копеек. Я могу купить билеты для нас обоих.

— Нет! Я сам, — твердо заявил я.

Полина понимающе кивнула. Мы купили по сахарной булке, опустили на скамейку и, подставив лицо теплему солнцу, продолжили разговаривать. Девушке было очень интересно узнать все про руны и мой дар духогляда. Она спрашивала, как выглядят различные болезни. Как я понимаю, что болезни больше нет. Как подбираю руны. Я старался не вдаваться в подробности и к тому же умолчал о том, что получаю награду за лечение в виде шара энергии.

Доев булку, проводил ее до кареты и по пути к Пепельной остановил мальчишку, продающего свежие газеты. Быстро пролистав, прочитал все заголовки, но не нашел информацию про Кайскую сопку. Хм... Убийцу поймали или он затаился? Или все начали обходить стороной сопку, поэтому больше нет смертей?

Я приехал домой.

— Теперь ты к отцу вернешься? — спросил я у Семена, когда тот выбежал из дома мне навстречу.

— Да, вернусь. Тяжело будет бате одному, — ответил он, но тут же торопливо добавил: — но ты не подумай, я, как и прежде, буду у вас работать. Уж не оставлю. Пропадете вы без меня.

— Это верно, — улыбнулся я.

Сегодня на удивление было мало больных. Я уж подумал, что всех вылечили, но Семен сказал, что какие-то торговцы из Красноярска прибыли, поэтому весь народ на рынке.

Ближе к обеду в дом без стука зашел крупный, хорошо одетый мужчина и зычным голосом спросил, ткнув пальцем в Ерофея:

— Ты ли тот знахарь, о котором все говорят?

Ерофей мельком взглянул на меня и без зазрения совести ответил:

— Я, а кто ж еще? С чем пожаловали?

— Ноги замучили. Опухают. Вылечишь? — он вопросительно уставился на лекаря.

Я сразу понял, что это не обычный человек. Все его поведение говорило о том, что он привык приказывать и явно ставит себя выше других.

— Надо осмотреть. Пока ничего обещать не могу, — Ерофей указал на приемную.

Мужчина размашисто зашел в комнату и, осмотревшись, опустился на лавку, которая под ним жалобно заскрипела.

Мы с Ерофеем зашли следом и прикрыли дверь.

— Показывайте, — велел Ерофей и сел на стул.

— А этот что здесь делает? — мужчина угрюмо посмотрел на меня.

— Это мой помощник.

— Пусть выйдет.

— Нет. Он — духогляд. Без него я не смогу подобрать лечение, — твердо проговорил лекарь, прекрасно понимая, что без меня он вообще ничего не сможет сделать.

Мужчина с раздражением выдохнул и кивнул.

— Ну ладно, но если он хоть кому-то что-то про меня расскажет...

— Можете не беспокоиться. Мы храним все в тайне, — уверенно проговорил Ерофей.

Мужчина нехотя кивнул, взявшись за сапог, снял его и размотал портянку. Нога была раздута так сильно, что даже кожа лоснилась. Казалось, еще чуть-чуть, и кожа просто лопнет.

Вторая нога была чуть лучше, но тоже раздутая.

— Давно это с вами? — спросил я, внимательно осматривая ноги.

— Тебе какое дело? — огрызнулся он. — Делай, что должен, и вали отсюда.

Ерофей шумно засопел и бросил на меня предостерегающий взгляд.

— Отвечайте на вопросы, если хотите успешно вылечиться. Это в ваших же интересах, — лекарь тоже понял, что с таким человеком лучше не ссориться, поэтому как мог сглаживал углы.

— Вторую неделю, — буркнул он. — С утра как-то встал и вижу — булки вместо ног. Перепугался сильно, в больницу побежал, да те ничего сделать не смогли. Один знакомый подсказал, что вы его тещу вылечили, вот я и приехал.

— Ясно. Посидите здесь, мы сейчас вернемся, — сказал Ерофей, двинулся к двери и кивком позвал меня за собой.

Мы вышли из приемной, и я плотно прикрыл дверь.

— Ну что там? — шепотом спросил лекарь.

— Суставы воспаленные.

— Вылечить сможешь? — в напряжении спросил он.

— Легко.

Ерофей с облегчением выдохнул. Как только мы вновь зашли в приемную, мужчина с недовольным видом покосился на меня.

— А этот что здесь опять делает?

— Поможет мне вылечить вас, — Ерофей старался не сорваться, хотя я заметил, как ходят его желваки и взгляд становится колючим. Его явно раздражал этот человек.

— Я к тебе пришел, а не к этому молокососу. Лечи сам, — с нажимом проговорил он.

— Любезный, мы с моим помощником работаем вместе. Если вам что-то не нравится, можете уйти, — лекарь начал терять самообладание.

— Ты поосторожнее со словами. Я ведь могу и рассердиться, — процедил сквозь зубы мужчина. — Делай свое дело, а то боком выйдет. А сопляк пусть лучше мои сапоги почистит.

Он наподдал ногой сапоги, лежащие на полу, и те отлетели ко мне. Мы с Ерофеем переглянулись, не зная, как поступить. Больной явно был настроен против меня, поэтому к себе не подпустит. Ерофей же ничего не сможет сделать без моей помощи, а это может быть еще хуже. Мы до сих пор не знаем, кто это такой и на что он способен.

— Хорошо, я почищу, но сначала подам господину лекарю нужную настойку, — подал я голос и подошел к полке.

Степан помогал делать настойки и сам собирал травы для них, поэтому, воспользовавшись его знаниями, я выбрал настойку, в которой в составе был сабельник, брусника, подорожник, крапива, череда и девясил — эти травы помогают при болезни суставов. Усилив действия трав с помощью руны, я отдал бутылек Ерофею, прихватил с пола сапоги и вышел из комнаты.

— Ты чего? — спросил Семен, увидев чужие сапоги из дорогой кожи в моих руках.

— Почистить надо.

— Дай, я сам это сделаю. Еще не хватало, чтобы знахарь чужие сапоги тер, — он забрал сапоги, прихватил щетку и вышел на улицу.

Я же прислушался к разговору, приглушенно доносящемуся из-за двери. Ерофей объяснял, как принимать настойку. Вдруг раздался грозный голос нашего больного:

— Ты какого лешего мне эту траву пихаешь? Силы свои на меня жалеешь? А ну лечи как следует! Знаю я, что руны рисуешь. Вот и нарисуй!

Чуть приоткрыв дверь, я заглянул в комнату. Ерофей был бледен, как полотно; он несмело приблизился к больному и сделал еще одну попытку привести меня:

— Мне без помощника не справиться, ведь...

— Лечи, а то на каторге сгною! — мужчина раскраснелся, его глаза метали молнии.

Я мог бы вмешаться, но боялся сделать еще хуже, поэтому продолжил наблюдать.

— Ну ладно, если вы так хотите, — еле слышно сказал Ерофей, взял руку мужчины и нарисовал какие-то каракули. — Все, готово.

Мужчина посмотрел на свои распухшие ноги. Время шло, он не сводил с них взгляда.

— Что ж не помогает? — наконец подал он голос.

— Не каждую болезнь можно вылечить сразу. Надо подождать, — упавшим голосом пояснил Ерофей, прекрасно понимая, что, сколько бы мужчина ни ждал, болезнь не пройдет.

— Ладно, подождем. Но если не поможет...

Он не стал договаривать, но так посмотрел на Ерофея, что тот весь скукожился. В это время вернулся Семен с начищенными до блеска сапогами.

— Спасибо. За мной должок, — подмигнул я ему, забрал сапоги и зашел в приемную.

Больной с кряхтеньем натянул сапоги на распухшие ноги и, бросив на нас суровый взгляд, не сказав ни слова, вышел из дома.

— Ох, что-то будет, — выдохнул Ерофей, наблюдая из окна за тем, как мужчина взбирается в высокую, роскошную карету.

— Согласен, — кивнул я и обратился к Семену. — Ты знаешь, кто это был?

— А то, конечно, знаю.

— И кто же? — почти выкрикнул Ерофей и уставился на парня.

— Начальник всех городских — городничий Филатов.

Мы переглянулись. Ну вот и попались. Теперь нам точно несдобровать.

Глава 6

До самого вечера атмосфера в доме была накалена. Ерофей зло ругался не только на больного, которого вылечить не смог, а ведь это был сам городничий Филатов, но и на всех нас: то Алевтине припомнит, что она у нас на иждивении, а толку от нее никакого, то стряпню Семена осудит, то щенка швырнет. Только на меня он не осмелился рывкнуть.

Весь день он то и дело подходил к окну и с опаской присматривался к каждому проезжающему мимо дома экипажу. Если честно, я тоже был напряжен. А может, городничий намеренно пришел к нам, чтобы потом стать свидетелем того, как мы незаконно лечим людей и к тому же денег с них берем. Кстати, Филатов ни копейки не заплатил и вообще про деньги разговор не заходил. И, что удивительно, Ерофей ничего ему на это не сказал. Видимо, действительно не хотел лезть на рожон, ведь помочь не смог. Да и как он мог ему помочь, ведь тот даже настойку не взял.

— Собирайтесь. Сегодня идем в театр, — сказал я Алевтине и Семену, взглянув на часы.

— Не-е-е, я не пойду, что я там не видел? — мотнул головой Семен. — Я вон лучше золу из печи вытащу и на огороды разбросаю.

— Успеешь, собирайся, — велел я и повернулся к удивленной Алевтине. — И ты не сиди. Оденься поприличнее и волосы причеши.

— Куда? — еле слышно спросила она.

— В театр, — повторил я. — Никогда не слышала о нем?

Девушка мотнула головой.

— Ничего. Сегодня не только услышишь, но и собственными глазами увидишь представление.

Алевтина торопливо скрылась в комнате, Семен нехотя поплелся домой, где, по его словам, у него есть приличная одежонка, которую отец подарил. Через полчаса оба были готовы. Я помог девушке заплести косу, поправил пояс Семена и, критично оглядев себя и своих друзей, остался доволен.

— Что ж ты, меня одного оставишь с этим Филатовым разбираться? — возмутился Ерофей, узнав, куда мы собрались.

— Он сегодня не придет.

— Почему ты так думаешь?

— Вы же сами ему сказали, что подождать надо. Думаю, до завтра подождет, а потом...

Я не стал говорить, что будет потом, ведь сам этого боялся. Все слишком завертелось и закружилось. Сначала статья в «Вестнике». Потом городничий. Ох, чувствую, не к добру это. Но сейчас лучше не паниковать, а хорошо обдумать, как действовать дальше. Возможно, придется сорваться с насиженного места и уехать куда глаза глядят. Но я очень надеюсь, что не придется этого делать, ведь я уже привык к городу и к людям.

Втроем мы вышли за калитку. Я взял Алевтину за руку и повел к большой дороге, где можно поймать извозчика.

— Что хоть показывать-то будут? — спросил Семен.

Он был одет очень даже прилично: белая рубашка, новые сапоги, суконный кафтан, который был ему великоват, видимо, с отцовского плеча, и котелок, который тоже принадлежал отцу. В общем, постарался на славу, поэтому его нельзя было отличить от дворянской молодежи, которая рассиживалась в кабаках и трактирах либо ездила с гуканьем и веселыми криками на каретах и конях.

Поймав извозчика, велел отвезти к театру. Тот удивленно оглядел нас, но ни слова не сказал и, подбадривая уставшую за день лошадь, повез на Владимирскую улицу.

Как и говорил Семен, театр находился на другом конце города, поэтому ехать пришлось больше получаса. Алевтина с широко раскрытыми глазами осматривала город, изредка восхищенно охая.

— Ты что, в первый раз из дома вышла? — усмехнулся Семен.

Девушка перевела на него взгляд и, растянув губы в радостной улыбке, кивнула:

— Ага.

— Ты забыл, где и как она жила? — шепнул я ему.

Парень тут же перестал улыбаться и с сочувствием посмотрел на девушку, которая ахала и указывала пальцем на чей-то роскошный особняк.

— погоди, извозчик! — вдруг выкрикнул Семен и, приподнявшись, потряс старика за плечо.

— Тпру-у-у! — старик натянул поводья и вопросительно уставился на парня. — Уже не надо на Владимирскую?

— Надо-надо. Постои минутку, сейчас поедем, — торопливо ответил он, выбрался из экипажа и отбежал в сторону. Прошло не больше минуты, когда он вернулся вновь с красной атласной лентой в руках.

— Это тебе, — сказал он Алевтине и повязал ленту ей на голову. — Будешь самая красивая.

— Спасибо, — она погладила концы атласной ленты, спускающейся ей на плечи, и с такой нежностью посмотрела на Семена, что тот сразу же растаял.

— Если тебе еще чего-нибудь надо — только скажи. У меня деньги есть, — заверил он, но девушка уже смотрела в другую сторону, с любопытством рассматривая роскошную карету, сделанную из красного лакированного дерева.

Еще издали я увидел театр. Это было одноэтажное деревянное здание, украшенное резными наличниками, колоннами и другими декоративными элементами разных цветов. На крыше торчал шпиль, на котором сидел железный петушок. Высокие, но узкие окна с двух сторон обрамлены резными ставнями, окрашенными красной краской. В общем, театр отличался от других строений, поэтому его ни с чем нельзя было спутать. К тому же рядом с ним уже толпился народ.

Мы вышли из экипажа и подошли к крыльцу.

— Зря я сюда приехал, — еле слышно сказал Семен, косясь на молодых людей, которые о чем-то оживленно разговаривали и смеялись.

По их внешнему виду было понятно, что они не из обычных семей: фраки, цилиндры, трости и аккуратные туфли вместо громоздких сапог.

— Ничего не зря. Уверен, тебе понравится.

Я взял Алевтину за руку и повел ее к широкому крыльцу. У входа стоял взрослый вышколенный слуга, который первым делом оглядел нас с головы до ног.

— Опаздываете. Представление скоро начнется, — сказал он и распахнул перед нами дверь.

Как только я переступил порог, почувствовал ту особую, ни с чем не сравнимую атмосферу, которая обычно царит в таких местах. Воздух был наполнен ароматами воска, пряных духов и дерева. Масляные лампы и мерцающие свечи отбрасывали тени на стены и потолок. Шагов не было слышно, так как с порога тянулся мягкий ковер, который, кроме тишины, приносил уют в это место.

Я купил три билета у женщины, сидящей за столом у входа в зал, на самые дорогие места. Она очень удивилась этому, ведь мы явно не были похожи на тех, кто может позволить себе купить билет за пять рублей, но я вытащил из кармана скрученные купюры и расплатился.

Из зала слышались приглушенные голоса и смех. Люди шептались и обменивались шутками, но делали это вполголоса, будто не хотели спугнуть предвкушение, которое нарастало с каждой секундой.

Убрав билеты в карман, я первым зашел в зал и осмотрелся. По сравнению с храмом культуры из моего мира, здесь было более чем скромно. От стены до стены тянулись ряды деревянных скамей. На первых трех рядах стояли мягкие стулья с высокими спинками, на которых разместились богатеи города: мужчины в сюртуках и цилиндрах, женщины в пышных платьях, сверкающих украшениях и с аккуратно убранными волосами.

На другом конце зала в центре внимания находилась сцена, закрытая тяжелой бархатной тканью, которая чуть поблескивала при свете масляных ламп, подвешенных к стенам. Сами стены были украшены холстами с изображением природы и разных сцен из спектаклей.

— Идите за мной, — сказал я своим друзьям, которые с интересом заглядывали в зал, но зайти боялись.

— Не надо было сюда идти, — снова прошептал Семен, продвигаясь за мной и Алевтиной. — Не нравится мне здесь.

— Расслабься и получай удовольствие. Не обращай ни на кого внимания, — ответил я и тут заметил Полину.

Она сидела рядом с Сергеем и приветственно махала рукой. Когда мы добрались до первого ряда, они подошли к нам поздороваться. Я представил им Семена и Алевтину. При виде красивой девушки Семен тут же смутился, а Алевтина восторженно рассматривала роскошное платье Полины и ее украшения. Та заметила этот взгляд и, не раздумывая ни секунды, сняла с груди брошь и прицепила к довольно скромному платью Алевтины.

— Носи с удовольствием. Это тебе от меня подарок.

Полина знала о судьбе Алевтины и очень жалела ее. При каждой встрече она интересовалась изменениями в поведении Алевтины и искренне радовалась, узнав, что та становится все более самостоятельной.

— Спасибо, — еле слышно ответила она, любовно поглаживая брошь.

— Как твоё обучение? Не пропускал занятия, пока меня не было? — строго, словно настоящий учитель, спросил меня Сергей.

— НЕТ, не пропускал. Правда, времени совсем мало, поэтому задания, которые ты мне дал, я еще не успел выполнить.

— Зря, завтра буду проверять. Надеюсь, ты будешь готов? — он нахмурил брови, хотя сам еле сдерживал улыбку.

— Буду, — кивнул я.

Сергей смягчился и с улыбкой похлопал меня по плечу.

Вдруг со сцены донеслась музыка. Полина и Сергей пошли на свои места, которые находились в паре метров от нас. Мы тоже опустились на мягкие сиденья в первом ряду. Семен все еще настороженно посматривал вокруг, а Алевтина с волнением и трепетом уставилась на занавес, который начал медленно разъезжаться. Весь зал замер в ожидании.

Вскоре перед нами раскрылся удивительно прекрасный нарисованный мир декораций: с двух сторон высились раскидистые дубы, вперед бежала дорога, а вдаль виднелся город с каменными домами и остроконечными крышами. Сцену освещали свечи двух канделябров, свисающих с потолка.

Музыка смолкла, но в зале стояла такая тишина, будто здесь вообще никого не было. Только огонь трещал в масляных лампах. Вдруг послышались шаги, и перед нами появился мужчина во фраке, белой рубашке и с гладко прилизанными волосами. С полуулыбкой он оглядел почти полный зал и начал говорить.

— Дамы и господа! Приветствуем вас на нашем театральном вечере! — торжественно объявил он и слегка поклонился. — Сегодняшний спектакль не просто развлечение, а зер-

кало самой жизни, в которой соединились злободневные проблемы и сатира, юмор и трагедия. Комедия, которую перед вами разыграют актеры нашего театра, является вершиной драматургии. Я надеюсь, что наши герои заставят вас не только улыбнуться, но и поразмыслить над своей жизнью. Приятного вечера и прекрасного настроения!

Он еще раз поклонился, а зал взорвался аплодисментами. Широко улыбнувшись, ведущий торопливо покинул сцену, а зрители замерли, ожидая начало представления.

Время шло, но ничего не происходило. В то же время вдали, за сценой, слышались приглушенные голоса. Слов нельзя было разобрать, но, судя по интонациям, царило какое-то волнение, если не сказать паника.

— И чего они тянут? — недовольно проговорил мужчина за моей спиной.

— Успокойся. Может, у героя что-то с костюмом случилось, — предположил женский голос.

— Лучше готовиться надо, чтоб ничего не случилось, — продолжал возмущаться он. — Я четыре рубля заплатил не для того, чтобы на пустую сцену пялиться.

Понемногу недовольных голосов становилось все больше и больше. Кто-то демонстративно встал, вышел из зала и громко потребовал, чтобы ему вернули деньги. Алевтина, которая все еще с предвкушением смотрела на сцену, повернулась ко мне и тихо спросила:

— Где?

— Не знаю. Возможно, что-то случилось. Подождем.

Вдруг на сцену выбежал тот же мужчина. Однако на этот раз он был нервным, взъерошенным и явно чем-то озабоченным.

— Прошу прощения за задержку. Непредвиденная ситуация. Не расходитесь, скоро начнем, — торопливо проговорил он и, оглядев зал пристальным взглядом, спросил: — среди вас есть доктор или хотя бы фельдшер?

Все начали переглядываться, но никто не вызвался. В это время ко мне подбежала взволнованная Полина.

— Степа, пожалуйста, помоги. Похоже, случилась беда.

— Я бы с радостью, но не уверен, что меня допустят до больного, — пожал я плечами.

— Со мной допустят, — следом подошел Сергей.

Я кивнул, поднялся с места и обратился к Полине:

— Присмотри за Алевтиной и Семой, хорошо?

— Да-да, можешь не беспокоиться. Я буду все время рядом с ними, — заверила она и опустилась на стул как раз между ними.

— Не надо за мной приглядывать. Я сам за кем хочешь пригляжу, — еле слышно возмутился Семен.

Я не отреагировал на его слова и пошел вслед за Сергеем, который уже поднимался на сцену.

За декорациями был коридор, в котором столпились не меньше десяти человек. Большинство были в вычурных костюмах и с гримом на лице.

— Что случилось?! — громко спросил Сергей. — Где больной?

Толпа обернулась, и я увидел на небольшом диванчике девушку в нарядной одежде, с выбеленным лицом и красными губками-бантиками — явно актриса. Рядом с ней стоял ведущий и держал у носа зеркальце.

— Она не дышит. Не дышит... — выдавил он и ошарашенным взглядом посмотрел на людей, стоящих рядом.

— Дайте дорогу лекарю! — взревел Сергей и пошел напролом, расталкивая локтями людей.

Я поспешил следом.

— Здесь сибирский знахарь! Дайте ему осмотреть больную, — Сергей уперся взглядом в ведущего.

Тот выглядел потерянным и, встрепенувшись, будто ото сна, попятился назад. Пока Сергей расталкивал толпу со словами: «Дайте воздуху! Отойдите, а то дышать нечем!», я подошел к женщине и переключил зрение.

На ее шее увидел тонкую зеленую нить, ведущую вниз. Быстро расстегнув верхние пуговицы платья, дошел до туго перетянутого корсета. Пришлось переворачивать девушку и сзади развязывать шнурок, который, как назло, путался и цеплялся за все подряд.

— Держите. Так будет быстрее, — пожилая женщина в пышном белом парике впихнула мне в руки большие ножницы.

— Спасибо, — кивнул я, перерезал шнурок, снял корсет и, расстегнув еще несколько пуговиц, увидел, что болезнь засела в желудке. Но это была даже не болезнь, а отравление. Яд в виде зеленой тягучей жижи расплзался по ее телу прямо на моих глазах.

Чтобы остановить распространение яда, я первым делом нарисовал руны «Чистоты» и «Исцеления». Яд в виде сущности немного посветлел и будто уменьшился, но никуда не пропал. Руночерть его задери! Сильный яд, очень сильный.

С ядами я сталкивался крайне редко, поэтому у меня не было готовой руны, которая смогла бы изгнать его из тела. Думай, Аскольд, думай!

Между тем раздражительность зрителей лишь нарастала. Послышались гневные крики. Кто-то грозился пройти за кулисы и силой выгнать актеров на сцену.

Ведущий, который, как оказалось, был директором театра — Дмитрием Васильевичем Шестаковым, поднялся на табурет и поднял руки, призывая к тишине.

— Друзья, беды случаются, но мы должны сыграть пьесу. Анечку заменит... — он оглядел притихшую толпу и указал пальцем на миловидную дамочку с аппетитными формами. — Елизавета — ты сыграешь главную роль. Слова знаешь?

— А как же, — кивнула она и расплылась в радостной улыбке, будто и не умирала рядом с ней девушка.

— Хорошо, — выдохнул он, спустился с табурета, с сочувствием посмотрел на девушку, которую назвал Анечкой, и вышел на сцену.

— Дорогие друзья, прошу прощения за задержку! Произошла непредвиденная ситуация, но сейчас все под контролем. Итак, мы начинаем!

Послышались редкие хлопки. Актеры заняли места, и представление началось.

— Степа, ну что? — спросил Сергей, внимательным взглядом посмотрел на бледную неподвижную девушку и еле слышно продолжил: — Неужто померла?

— Нет, жива. Я немного улучшил ее состояние, но она отравлена, а я понятия не имею, как вывести из нее этот яд. Мне нужно подумать.

— Отравлена? — ужаснулся директор Шестаков. — Но кто мог такое с ней сделать?

— Сейчас это не важно, — отмахнулся я. — Главное, чтобы мне удалось ее спасти. С остальным потом разберетесь. Есть у вас помещение, где мы можем уединиться? А то здесь очень шумно, я не могу сосредоточиться.

— Мой кабинет в вашем распоряжении, — заверил он.

— Хорошо, идемте.

Сергей взял девушку на руки и пошел вслед за директором. Я замыкал шествие, погрузившись в себя. Перед внутренним взором проносились знаки, которые я складывал в руны, подбирая нужную комбинацию.

Кабинет утопал в книгах и папках с документами. Шестаков быстро освободил диван, куда Сергей уложил девушку.

— Мне нужно перо и бумага, — сказал я.

— Все в вашем распоряжении, — он указал на письменный стол, на котором тоже высились стопки книг. — Прошу прощения, но я должен присутствовать на представлении. Вы не против, если я отлучусь?

— Можете идти, — ответил я, ведь от него сейчас не было никакого толку. — Но сначала скажите, что за яд в девушке?

Он удивленно взглянул на меня.

— Мне-то откуда знать? Если вы думаете, что это сделал я, то глубоко ошибаетесь. Анечка — моя любимица. Она — прима моего театра. Ей достаются лучшие роли, — с жаром проговорил он и явно не врал.

— Если Степан говорит, что ее отравили, то так оно и есть, — сухо произнес Сергей. — И я бы на вашем месте отправил кого-нибудь в городскую управу или в жандармерию. Это дело надо расследовать.

— А вдруг она сама? — еле слышно спросил директор театра.

— Был повод? — уточнил я.

Шестаков задумался и пожал плечами.

— Мне об этом ничего неизвестно.

— Тогда не надо строить догадки, — повысил голос Сергей. — Отправьте за представителем власти и идите на представление, если так надо.

— Сию минуту отправлю, — он торопливо вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь.

Я нарисовал на руке девушки еще одну руну «Исцеления», чтобы поддерживать в ней жизнь, и подошел к столу. Пришлось потрудиться, чтобы найти чистый лист бумаги. Отыскал лишь в нижнем ящичке стола. Обмакнув перо в чернила, нанес первый знак, в котором был уверен — символ духа и силы слова. Он усилит любую руну в несколько раз. Теперь же нужно подобрать те знаки, которым нужно это усиление. И, главное, не навредить девушке.

Окунувшись вглубь себя, я принялся размышлять.

Символ защиты нужен обязательно. Затем знак, обозначающий жизненную энергию и силу. А потом... потом знак разрыва и перелома. Он переменит то состояние, в котором находится девушка. Но это еще не все. Чувствую, что недостаточно, но не пойму, что еще нужно добавить.

— Может, за доктором отправить? — несмело проговорил Сергей, выдернув меня из раздумий.

— Зачем? — не понял я.

— Ну, чтоб девушке помочь, — извиняющимся тоном сказал он. — Вижу, ты сам в смятении и не знаешь, что делать. Не сидеть же сложа руки, пока она умирает.

— Если хочешь, можешь отправить, но доктора ей не помогут, — пожал я плечами.

— А ты сможешь?

— Очень на это надеюсь.

Я продолжил прокручивать в голове огромное количество различных символов. Не было ни одного, который бы избавлял от яда, поэтому нужно подбирать очень тщательно и «применять» к другим.

В конце концов я остановился на двух знаках, которые тут же изобразил на бумаге: знак обновления сил и перерождения и знак движения. В данном случае он будет способствовать быстрейшему выздоровлению.

Окинув взглядом получившуюся руну, я остался доволен. В это время из зала послышались восторженные крики и аплодисменты. Похоже, представление уже закончилось, а я даже не заметил, что столько времени пролетело.

В кабинет забежал раскрасневшийся директор.

— Ну что? Анечке стало лучше? — он посмотрел на бледную, неподвижную девушку и тяжело вздохнул. — За городовым я отправил. Скоро должен явиться.

Я встал из-за стола, опустился на колени у дивана и принялся наносить знак на руку девушки. Директор хотел что-то спросить, но Сергей шикнул на него. Все замерли, наблюдая за моими действиями.

Знак за знаком у меня таяли силы, поэтому я всерьез забеспокоился, сожалея, что не попросил помощи и дополнительной жизненной энергии у Сергея или Шестакова, но, вопреки опасениям, последний знак получился, и руна вспыхнула.

— Все, теперь остается лишь ждать, — я устало вздохнул и вытер рукавом пот со лба.

— А что вы вообще делали? — осторожно уточнил директор.

— Лечил.

Я видел непонимание в его глазах, но не стал ничего объяснять. Все мое внимание было направлено на зеленый яд в теле девушки.

В коридоре послышался топот и радостные возгласы. Сюда шли актеры. Девушка вдруг прерывисто вздохнула, открыла глаза и закашлялась. Следом ее вырвало на пол и на стопку книг у дивана.

Я с облегчением выдохнул. Организм избавился от яда. Анечка спасена.

Далее последовали объятия, благодарности и пятнадцать рублей из сейфа директора. Когда мы с Сергеем вышли из кабинета и направились к залу, нам навстречу вышел тот самый городской с пышными усами. Он сделал вид, что не узнал меня, и прошел мимо.

— Ну наконец-то, я уже начала переживать, — едва увидев нас, с места вскочила Полина.

Семен и Алевтина сидели на прежнем месте и тоже оживились при моем появлении.

— Что случилось? Что там произошло? — продолжила спрашивать девушка.

— Давайте поговорим об этом на улице. Заодно выпьем что-нибудь, — ответил Сергей и первым пошел к выходу.

Я взял за руку Алевтину, которая счастливо улыбалась и продолжала любоваться брошью на груди, и повел вслед за остальными.

— Тебе понравилось? — спросил я у нее.

— Да. Очень, — призналась она и прижалась ко мне. — Спасибо.

— Пожалуйста. Мы сюда еще не раз придем, — заверил я. — Тебе полезно получать положительные эмоции.

Мы вышли на улицу. Прохладный вечерний воздух казался сладким после духоты театра. Пробираясь сквозь толпу молодых людей, которые оживленно обсуждали представление, я вдруг почувствовал острую боль сзади. От неожиданности даже вскрикнул.

— Что с тобой? — встревожилась Полина.

— Не знаю, будто кольнуло что-то, — я провел рукой по спине и почувствовал, что одежда мокрая.

— Кровь! У него кровь! — завизжала какая-то мадам, указывая на меня.

Я посмотрел вниз и увидел, что с меня на булыжники капает кровь.

Глава 7

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.